

Владимир ГРАНКИН • Александр ВЕРИН • Юрий МАГАЛИФ
Евгений МАРТЫШЕВ • Татьяна БАРХАТОВА • Елена БЕЛОСЛУДЦЕВА
Игорь ВАСИЛЬЕВ • Лилия ГАГАЙ • Антонина ГОЛОВИНА
Валентина ДЁМИНА • Зоя ДУБОВЦЕВА • Людмила ЕЛИСЕЕВА
Лариса ЗАГУЛЯЕВА • Инна КЛИМЕНКО • Анна КОРОТКОВА
Василий КУЗНЕЦОВ • Фёдор КУЗЬМИН

Свет материнской любви

*Сборник стихов и прозы
новосибирских авторов*

Новосибирск
2015

ББК 84 Р7
С-24

ТАЛАНТЫ ЗЕМЛИ НОВОСИБИРСКОЙ

Составитель Т.В. Пендюрина

С-24 Свет материнской любви. — Сборник стихов и прозы новосибирских авторов. — г. Новосибирск: Редакционно-издательский центр «Светоч» правления Новосибирской областной общественной организации «Общество книголюбов», 2015 г. — 206 с.

ISBN 978-9001-52-54-7

© Редакционно-издательский центр
«Светоч» правления Новосибирской
областной общественной организа-
ции «Общество книголюбов», 2015

Пред тобой
я склоняю
колени

Владимир
ГРАНКИН

избранное

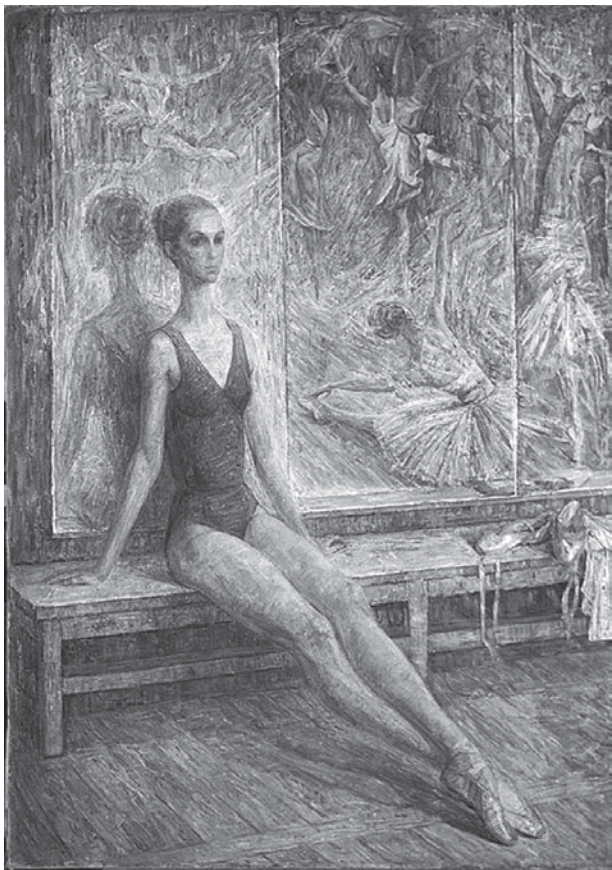
Тишина

Моя мама

Золушка. Портрет дочери

Новенькая

Натюрморт с зеркалом. Автопортрет

Зима. Серый день

Гранкин Владимир Михайлович (1940–2015). Родился в Новосибирске. Заслуженный деятель искусств РФ, профессор Института искусств НГПУ.

«...Его творчество отличалось поэтичностью и одухотворенностью, широтой русской души и выразительностью точного художественного жеста...», «Главный цвет, который питал его творчество, – цвет любви».

Окончил горьковское художественное училище и ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Репина Академии художеств СССР.

Его работы находятся в музеях и картинных галереях Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России, а также в музеях и частных коллекциях Австрии, Германии, Венгрии и др. стран.

В творческой биографии художника важное место занимало искусство стенографии. Он поставил 4 балета и 1 оперетту. Его творческая и педагогическая деятельность постоянно сочетались с большой общественной работой.

Для нас, книголюбов, он интересен, дорог и памятен тем, что более 25-ти лет был добрым советчиком, другом, и неизменным председателем жюри наших многочисленных выставок и конкурсов.

Александр ВЕРИН

«МАМА»

Многоязычна речь людей земли.
О, сколько в мире говоров, наречий!
Мы иногда теряемся при встрече,
Коль речь понять соседа не смогли.

Но слово, что сорвётся первым с уст,
Кто б ни был ты, какого цвета кожи,
У всех людей всегда одно и то же,
Оно – как пробный камень наших чувств.

Всех языков связующая нить!
От дня рожденья и до смерти самой
Мы повторяем это слово: «Мама».
И нужно ли его переводить!

1975 г.

Валентина Фёдоровна с сыном и внуками
Инной и Сергеем. 1997 г.

МАМЕ

Телеграфные столбы как кресты.
Запылились придорожные кусты.
Ты куда ведёшь, дорога? Боже мой!
Вот ещё, ещё немного и домой!

Мимо хлебных золотящихся полей,
Мимо рощи старых грустных тополей,
Мимо церкви – там последний поворот, –
И из милых наших окон свет забьёт.

Загрустила, завздыхала о судьбе,
Мама, мама! – видишь, сын пришёл к тебе!
Мама, мама! Со слезинками глаза!
...Но качнулся за окном чужой вокзал,

Поезд тронул, паровоз подал гудок –
Впереди еще три на девять дорог.
Долог путь, летят за вёрстами года.
Ну, когда же я вернусь к тебе, когда?!

Телеграфные столбы как кресты.
В ожиданье на дорогу смотришь ты.
По ночам в твои встревоженные сны
Возвращаюсь я, единственный твой сын.

1967 г.

* * *

Мы – юность наших матерей,
Надежды вечной их опора.
Нам тяжело – им тяжелей,
И горше им сыновье горе.

Со мною мать делила боль и смех,
А рос я непослушным и упрямым,
Но потому лишь я и человек,
Что рядом был товарищ верный – мама.

Когда со мной случалась вдруг беда,
И целый свет ставал невыносимым,
Слова простые мамины тогда
Сушили слезы, воскрешали силы.

А у нее прокатится слеза –
«Ты плачешь, мама?» – Скажет лишь устало:
«Нет-нет, сынок, пустяк – болят глаза,
Видать, совсем стара я нынче стала».

Когда же сквозь морщинки возле губ
Пробьётся, словно в юности, улыбка, –
Я улыбнуться маме помогу,
И мне она простит мои ошибки.

Мне никого нужнее не сыскать
Из множества людей в огромном мире,
Чем мой учитель, верный спутник – мать –
Моя опора, мой источник силы!

Молитесь матерям своим!
И так героев, люди, славьте:
Не ставьте памятников им,
А лучше матерям их ставьте!

1969 г.

* * *

Лампа в сумраке чуть горела,
Но глаза не пришлось напрягать –
Видно ясно, как постарела
За последнее время мать.

Не с того, что болезни гложут,
Не от груза прожитых лет,
А с того, что и в старости тоже,
Как и в юности, счастья нет.

Будто снова военные годы,
И копейку – беречь и считать.
И опять по России голод,
И опять на Руси нищета!

Вот что маму так подкосило!
Но в глазах – только боль, не упрёк:
Что же будет с нашей Россией?
Что же с вами будет, сынок?!

23 сентября 1998 г.

БОЛЬНИЧНАЯ ТЕТРАДЬ

Молитва матери

«Больше мучиться нету мочи!
Боже правый! Что делать, коль
Днём и ночью, и вновь – днём и ночью,
Убивает медленно боль?!

То ль ещё не закончились годы?
То ль душе не свершён обряд?
То ль нелётная нынче погода,
Коли ангелы не летят?..»

Сиротство

Осиротели звёзды без луны.
Они горят, как свечи без лампы.
И этой темноты и тишины
Ничем тревожить и будить не надо!

В безмолвии скользнул метеорит,
Сгорев над нашим старым домом прямо.
А сердце – не стучит и не болит.
И в эту ночь моя скончалась мама...

Прости!

Дети! Как бессердечны
Мы в эгоизме своём!
Что мамы наши не вечны –
Мы лишь у гроба поймём.

Лишь у разверстой ямы
С мёрзлой землёй в горсти
Шепнём запоздало:
– Мама!
В последний раз нас прости!

18–31 марта 2000 г.

* * *

Дом опустел. В нём чистота такая,
Что и пылинки малой не сыскать!
Но лишь теперь я ясно понимаю,
Зачем так прибрала всё в доме мать.

Не отыскал я старых фотографий –
От долгой жизни даже следа нет! –
Ни записей, ни автобиографий,
Ни писем, ни открыток, ни газет!

Теперь я понял: мама не хотела,
Чтоб прошлое её мешало мне.
И прошлое её в огне сгорело –
Она сама сожгла его в огне!

Ах! Мне бы попросить, мне б поклониться,
Чтоб поделилась памятью своей –
Она нужна мне! Но тогда, в больнице,
Боялся я сказать об этом ей.

Наивно верил я, что будет случай
Большую жизнь её повспоминать.
Но в то, что всё пройдет благополучно,
Не верила сама, к несчастью, мать!

Остался я один под сирым небом –
Лишившийся последнего луча.
Стоит стакан с водой, накрытый хлебом,
И тает поминальная свеча...

5–8 апреля 2000 г.

* * *

Мне согреть сегодня душу нечем!
В памяти твоё тепло храня,
Затоплю опять под вечер печку,
У живого посижу огня!

Нащиплю для дров лучины тонкой,
Белой набросаю бересты.
И она запылывает в топке,
Как те письма, что сжигала ты!

Знаю, ты наплакалась немало! –
Ты не их – себя сожгла в огне!
Но о чём же ты писала, мама,
В письмах, адресованных ко мне?!

Может быть, о том в палате страшной
В миг, когда была едва жива,
Ты рвалась сказать, крича мне: «Саша!..»
Но сгорели нужные слова!

Тает в печке пламя голубое,
Покрывает угольки зола.
До сих пор я вижу под золою
Письма те, что ты тогда сожгла!

4 марта 2001 г.

ПРОЩАЛЬНЫЙ РОМАНС

То с надрывом, то с жалобным всхлипом,
То во сне, то в тяжёлом бреду
Плачет старая белая липа
В опустевшем холодном саду.

Снеговые тяжёлые тучи
Зимний ветер по небу метёт.
Одинокую, что её мучит?
Беззащитную, кто её гнет?

День и ночь кружит белая замаять,
Лепит снегом, и нечем дышать!
Знаю я: у деревьев есть память,
Знаю: есть у деревьев душа!

А душа быть не может безгласной –
Нам услышать бы эти слова!
Ведь недаром отчаянно-страстно
Летом старая липа цвела!

И звучала чарующей скрипкой
В гулком гуде весёлых шмелей,
Что когда-то молоденькой липкой
Проросла она здесь для людей.

Тёплым медом и цветом лечебным
На добро отзывалась она.
Почему же под вьюгой вечерней
Стала вдруг никому не нужна?!

То с надрывом, то с жалобным всхлипом,
Боль озябшей души не тая,
Плачет старая белая липа –
Это плачет так мама моя!..

26 июня 2000 г.

* * *

Не за горами, не за тихим долом
Остался тот уютный уголок,
Где отроком, беспечным и весёлым,
Шагнул я за родительский порог.

Они меня в слезах не провожали,
Как будто снова в школу я пошёл.
А я-то шёл в неведомые дали,
Шёл в самую тяжёлую из школ.

Курил отец сигарку за сигаркой,
И у печи стояла тихо мать,
Но было мне тогда совсем не жалко
Гнездо своё родное покидать.

Душа рвалась в неведомые выси,
И без оглядки я вперёд шагал.
Но и уйдя, заботливые письма
Родителям я редко посылал.

Я знал, что всё равно однажды в гости
Приеду к ним – обнять и рассказать.
И вот приехал. Только на погосте
Давно лежат мои отец и мать.

А в доме нашем – жители чужие,
И оттого и сам он стал чужим.
О, детские места, места родные,
Зачем от вас так глупо мы бежим?

Я жизнь прошёл, как длинную дорогу,
Ища того, чего нельзя найти
За стареньким родительским порогом –
На самом увлекательном пути.

Не за горами, не за тихим долом –
Меня ждал тот уютный уголок,
Где был и молодым я, и весёлым,
Куда пришёл я стар и одинок.

1 июня 2004 г.

ОСИРОТЕВШАЯ СИРЕНЬ

За горку закатился майский день,
Усыпав небо золотым горошком.
Я растворил окошко, и сирень
Простёрла ветви-руки мне в окошко.

Любимица моя, ты заждалась!
Ну, здравствуй же, моя родная, здравствуй!
Побудем вместе в наш недолгий час.
Пока цветы на ветках не погасли!

Пока свою нанизывает звень
Кузнечик на прозрачный лунный лучик,
Давай поговорим с тобой, сирень,
О той печали, что двоих нас мучит!

Опять весна с тобой нас призвала
Цвести и петь. Но на ветрах крылатых
Жизнь унеслась! Ах, как же ты цвела!
Ах, как я пел восторженно когда-то!

Теперь печалью мой наполнен стих,
А ты цветами, милая, убыла!
Но нам осталась память на двоих –
О маме, что обоих нас любила!

Две радости и были ей даны
Судьбой, не очень щедрой на подарки:
Цветение твоё в конце весны
Да свет моей любви – не очень яркой!

Ах, как мы мало возвратили ей –
За ласку, за любовь – простого света!
Ну, что б тебе цвести ещё пышней?!
Ну, что бы мне почаще слать приветы?!

Сирень моя, осиротели мы –
Как будто разом мы лишились почвы!
И потому, печальны и немые,
Грустим с тобой благоуханной ночью!

Но – чу! Ты слышишь? – жалобно свирель
Вдруг зазвучала в облачке тумана!
Ах, это просто иволга, сирень!
А мне-то показалось: это мама!..

26 мая–1 июня 2001 г.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Вдруг упала под ноги спица,
Покатился клубок из рук.
Встрепенулось сердце, как птица,
На желанный откликнувшись стук.

К двери бросилась. А ведь ходила
Тяжело ты давно уже!
И откуда взялась вновь сила
В истомлённой печалью душе?!

Дерматин зашуршал о порожек –
Вот он, твой недавнишний сон! –
Тихо охнула ты: «Серёжа!..
А где папа?» – А вот и он!

Целовала, к груди прижимала
Дорогих долгожданных мужчин,
И прекрасное солнце сияло
На лице твоём в сетке морщин.

Как терпела ты эту разлуку,
Где и дни, и ночи длинные?!
Завела на скорую руку
Для любимого внука блины,

И про вещей свой сон рассказала,
И про то, как услышала дверь.
«Я Серёже носки связала.
На-ка, сыночка, вот померь!»

Внук померил – в самую пору!
«Ты попробуй сапожки обуть!..»
За недолгой встречей и сборы
Подошли, и пора нам в путь.

На часы я смотрю украдкой:
«Не болей ты, себя береги!» –
«Вот, Серёжа, на шоколадку,
А вот папе на сапоги...» –

Хоть и стыдно, беру я деньги,
Что копила ты рубль к рублю.
«А к весне Серёжу оденем –
Я к весне еще накоплю!..»

Вот и всё! Мы стоим на крылечке,
Ты целуешь нас: «В добрый час!»
Кто бы знал, что такая встреча
Станет в жизни последней у нас!

Но мне кажется... – нет, я верю! –
Если фар наших брызнет свет,
Я увижу тебя у двери –
То ли ждёшь ты,
то ль смотришь нам вслед!

10 марта 2001 г.

МАМИНЫ КНИЖКИ

Небо зимнее стыло низко,
Вечер снегом бросал в стекло.
В нашей комнатке в Ханты-Мансийске
От старинной печурки тепло.

Пляшут отсверки на половицах,
И в неверном печном огне
Тихо-тихо шуршат страницы –
Мама книжку читает мне.

Каждый вечер, в любую погоду –
Вот семейный наш ритуал.
Потому-то уже в три года
Всех я русских поэтов знал.

Из-за этой традиции славной,
Наизусть я запомнил давно
И Балду, и Людмилу с Русланом,
И Топтыгина с Бородино.

Те стихи да широкая песня
Под отцовский баян фронтовой –
Так и вырос я с ними вместе,
И они до сих пор со мной.

И в бесчисленных переездах
По просторам сибирской земли
Не возили мы скарб бесполезный –
Лишь баян мы да книжки везли.

Мчались годы. Но снова и снова
Занималась мама со мной,
Открывая мне русское слово,
Наш язык – бесконечно живой.

Потому мне так часто и снится
В растревоженном памятью сне:
Пляшут отсверки на половицах,
Мама книжку читает мне.

Я живу этим тёплым светом.
Потому-то, душу даря,
Стал я русским хорошим поэтом –
Богу с мамой благодаря!

7 ноября 2015 г.

ПРО ОЛАДУШКИ И БЛИНЫ

Я сегодня пораньше встану –
Очень важные нынче дела:
Приготовила мама сметану
И оладушек напекла.

За столом мы усядемся с нею,
Я так долго такого ждал!
Ничего-то пока вкуснее
Тех оладий я не едал.

На домашней они простокваше,
Из обычной колхозной муки.
Мама шепчет: «Ты кушай, Саша!
Жаль, нет времени на блинки».

Я об этом, конечно, знаю –
Маме нужно идти на урок.
«С днём рождения!» – я вдруг вспоминаю,
И целую её в висок.

Маму встретят вербочки в школе
На изрезанных крышках парт.
А за окнами месяц весёлый –
Жизнерадостный месяц март...

Я сегодня пораньше встану –
Ведь опять в первый месяц весны
Напекла нам моя Татьяна
В память мамы моей блины.

31 марта 2015 г.

Александр Анатольевич Верин родился 27 мая 1949 года в Омске. Из-за работы отца – технолога молочной промышленности – семья часто переезжала: Тюменская область, затем Омская, наконец, Новосибирская. Здесь у него открылась тяжёлая фронтовая рана, и старинная Колывань стала, по сути, второй родиной Саши, в том числе и поэтической. В духовном воспитании поэта огромную роль сыграла мама – Валентина Фёдоровна Кузьмина, прекрасный педагог-словесник, превосходно знавшая русский язык и отечественную классическую литературу.

Александр Верин – автор пяти книг стихов и прозы, исторического исследования «Загадки бога Колывана. Неизвестные страницы освоения Сибири», многих коллективных художественных, исторических и публицистических изданий, член правления Новосибирского отделения Союза писателей России, известный журналист, дважды удостоенный высшей награды Союза журналистов «За заслуги перед профессиональным сообществом» Поэт ведёт большую общественную работу. Он является автором таких патриотических проектов, как создание историко-туристического комплекса «Колывань – Чаусский острог», возведение памятника «Жертвам братоубийственной Гражданской войны – Колыванского крестьянского восстания 1920 г.» и стелы в честь Знамени Победы, которое начало боевой путь на Берлин из Новосибирска.

Александр Анатольевич Верин член лекторского актива «Общества книголюбов».

Михаил
ГУСАРОВ

Я СЛЫШУ В НОЧИ

Я слышу за шторой в ночи,
Как будто бы мама кричит,
На милый отцовский порог
Зовёт меня снова: – Сынок!
Там кони на речку бегут,
На гривах рассветы несут:
Серебряный звон от копыт
До самого неба летит.
И мальчик лихой, озорной
Несется, как бог над землёй,
По кромке зари золотой
С лошадаками на водопой.
Там нет ни беды, ни нужды,
И жизнь ещё вся впереди.

ЖЕЛАННОЕ

Сколько было вдалеке знакомых,
Встреч желанных было и разлук!
Снова я сижу в родимом доме:
Привыкаю к райскому теплу.
Снова мама предо мной хлопочет,
Как и в детстве –
В горенке простой.
Для неё остался я сыночек,
Хоть давным-давно не молодой!
На душе уютно и просторно,
И слезе вольготно на щеке:
Привыкаю к маминому дому,
Чтобы не отвыкнуть вдалеке.

РУКИ МАТЕРЕЙ

Т.В. Пендюриной

Всему начало –
Руки матерей,
Которых на планете
Нет добрей,
Прекраснее,
Любимей и желанней!
И пусть дорога
Наша далека,
Они как зори
Тёплые над нами
И как родные
Сердцу берега.

ВСЕГО ДОРОЖЕ

Я в детстве убежал не раз, не два
Из маминого старенького дома.
Как вспомню, закружится голова,
Занает сердце больно и знакомо.
Я убежал от бедности слепой,
Поскольку верил в сказки и приметы.
Но сколько б ни скитался, а домой
Я возвращался, словно к чуду света.
Удостоверившись, что чудеса
Лишь только на родной земле бывают,
И мамина горячая слеза
Дороже злата, серебра и рая!

ИСТОК

А путь домой
Всегда короче,
Какие б ни были пути!
В родном краю
Светлее ночи,
Теплее зимы и дожди.
И сколько б
Ни было в России
Дорог,
Бегущих за мечтой,
Всегда одна
Даёт нам силы:
Дорога,
Что ведёт домой!

МАТЕРИНСКОЕ

Я бы сердце тебе отдала,
Чтоб окрепли твои два крыла,
Да боюсь, что в дороге, сыночек,
Остановится этот комочек.
Я бы жизнь тебе всю отдала,
Да, боюсь, она очень мала.
Ты возьми в путь-дорогу, сыночек,
Лучше этот ржаной колосочек:
В нём вся жизнь – и твоя, и моя,
И Россия, и мать-земля!
И храни тебя Бог, мой сыночек,
В долгой жизни от всяких порочин!

МОЕЙ МАТЕРИ

Гармонь висела на стене,
Давно не брали её в руки.
В безмолвной вдовьей тишине
Дремали свадебные звуки.
Казалось, только со стены
Сними её, пройдишь ладами –
И брызнут звонко в синь весны
Девичьи песни соловьями.
Но нет! Они не брызнут, нет!
И быть гармонике в покое:
Остались звуки на войне
Лежать с дружкой
На поле боя...

ДОРОГА ДЛЯ СЕРДЦА

Ах, сколько в мире всяческих дорог!
Не сосчитать их ни в какие сроки.
Но есть на свете милый уголок,
К которому все сходятся дороги.
Там мама, как берёзонька, светла –
Над колыбелью ласково склонилась,
И вишня под окном белым-бела
Летать с утра до вечера училась.
Там бесконечны сельские края –
В них детство моё
Сердцем заблудилось:
Где впроголодь живущие друзья
Со мной последним
Драником делились.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Стою у родимого дома,
Молясь на отцовский порог.
Дышу деревенским озоном
И слушаю, слушаю впрок,
Как хором торжественно к ночи
Поют по дворам петухи,
И важные гуси голгочут
Гусиные песни-стихи.
Подходят с улыбкой сельчане:
– Ужели в родные края
Решился – поди от отчаянья

Вернуться на круги своя?
Свалилась с души моей «кома»,
На сердце покой и уют:
– Ну, вот я, счастливец, и дома!
А слёзы бегут и бегут.

ОБРАЗ РУСИ

Чистая горница с красным углом,
Вяжет луна сутемень за окном.
В горнице ладной рядком да ладком
Мирно снедает семья за столом:
Дед со старухой, сноха да сынок,
Внучки, внучата, котёнок, щенок,
А на столе, как полуденный жар,
Гордо пытит домовик-самовар,
Издrevле так, у веков расспроси,
Жили не врозь, а семьей на Руси!

ЛУКОМОРЬЕ

Ах, моё Лукоморье!
Дом родительский мой:
Там купаются зори
В чистой пене речной.
И, как лебеди, вишни
Белой стаей стоят,
И зарницы привычно
Из ночного летят,

Где родные просторы
Васильками цветут:
Не под гору, а в гору
Мои годы бегут...
Будто в звонкое детство
Возвратился, седой,
И торопится сердце,
Нагулявшись, домой.

Гусаров Михаил Лаврентьевич (1946–2010). Родился в Хабаровском крае. Рано остался без родителей, с 7 лет скитался по детприемникам. В Новосибирске жил сначала в 1-м детдоме, потом в 14-м. В 1965 году был призван в армию, в военную школу младших специалистов. Прослужил 3 года связистом в ракетных войсках. Свои первые стихи написал в 15 лет. Удивительно, но в стихах бывшего детдомовца многое связано с родителями и отчим домом. Материнские руки, мать-мадонна, мать, зовущая сына с крыльца... Родительский дом, где за столом собирается большая семья, дом как начало начал и точка возврата, на которой сходятся все дороги жизни. В поэзию Гусаров пришел «не от скамьи Литинститута, а от рабочего огня». В 60-е гг. посещал ЛИТО (литературное объединение при союзе писателей), которое возглавлял Илья Фоянков.

Александр Плитченко, Нина Грехова, Геннадий Карпунин, Жанна Зырянова – те, кто начинали в ЛИТО вместе с Михаилом Гусаровым. Его первые стихи опубликованы в газете «Советская Сибирь». Затем были публикации в других изданиях в т.ч. столичных: «Красная звезда», «Советская Россия», «Правда», в журнале «Сельская молодежь». Лауреат литературного конкурса «Россия». Автор 3-х книг: «Свет звезды» (миникнига), «За горизонтом детства», «Страна Бузония». Книги изданы издательством «Светоч» Общества книголюбов. Член лекторского актива Общества книголюбов.

Использованы материалы статьи Т. Коньяковой
«Душа, свободная от "комы"»

Юрий МАГАЛИФ

* * *

Моя бабка Федосья Трофимовна
была маленькая цыганка,
Щеголяла то в палантинах,
то в пальтишке, как решето...
Говорила хрипло: «Простите,
я – исконная петербуржанка,
Посему выражаюсь твердо,
без смягченья – «что», а не «што»...

Моя бабка Федосья Трофимовна
(«Бесподобный Феничкин носик», –
Как писал Алексей Плещеев)
была барышням не в пример:
То драгун ее песни слушал,
то голодный студент-христосик...
Возносило ее на галерку,
опускало ее в партер...

Мне от бабки Федосьи Трофимовны
по наследству досталось цыганство:
Безразлично, что в изголовье, –
лишь нашлось бы место, где лечь;
И хотя пел я песни многим,
но всегда ценил постоянство;
И хотя обитаю в Сибири,
но люблю ленинградскую речь.

Я, как бабка Федосья Трофимовна,
если вдруг приходится лихо,
Говорю: «Ерунда все это,
мимо кладбища не пронесут!»
Если счастлив – живу я громко,
а несчастлив – живу я тихо.
И по солнышку начинаю
свой веселый нелегкий труд.

Моя бабка Федосья Трофимовна
была маленькая певица, –
Пела глухо и хрипловато,
но возвышенно и легко!
Озаряет меня ее пенье,
как таинственная зарница,
Что мелькнула над облаком времени
далеко,
далеко,
далеко...

ТРИЖДЫ ЖЕНЩИНА

Диалог со старинной знакомой

ОНА:

– Во мне живут три женщины!

Одна –

Любовница, с неуголимой страстью
Летевшая на тайные свиданья,
Где, как художник, на холсте простом
Я создавала сто произведений, –
И в каждом были ярость, и восторги,
И взлеты к звездам, и паденья в бездну...
А крики я писала алой краской,
А замиранья сердца – голубой...
И зритель мой единственный

сперва

Робел пред этим искренним искусством;
Но, постепенно превращаясь в бога,
Он целовал подошвы ног моих!..

Вторая женщина во мне живет,
Повязанная фартуком хозяйским.
И в окруженье свеклы да капусты,
Брусники, перца, лука, чеснока –
Я понимаю пенье скороварки,
По-свойски разговаривая с ней...

Всегда спешу, как будто на свиданье,
К громаде белоснежного белья, –
Утюг шипит, переполняясь жаром
Моей руки, натруженной в заботах
По маленькому чистенькому дому...

А третья женщина во мне – конечно,
Живет всегда для дочери моей.
Заботы дочки – все мои заботы:
И диатез, и первая ангина;
И тоненькая первая тетрадка,
Шифон на платье к выпускному балу;
И первые короткие прогулки
С неопытным очкариком-студентом,
И первая стипендия, и первый
Зовущий крик ребенка, наконец...
И снова – диатез, потом ангина,
И снова – куклы, елка, детский сад...
Мне кажется...

Нет, я убеждена,
Что перед этой, третьей, две других
Во мне навек смиренно отступили!

АВТОР:

– Все так... Но вы, по-моему, забыли,
Что в вас еще четвертая живет? –
Не знавшая ни отдыха, ни страха,
Когда с небес на Невскую Дубровку
Валились бомбы и пылали воды,
Земля была растерзана на клочья,
И хлюпала под сапогами кровь...
А в госпитале, под накатом жалким,
Пропитанная хлоркой и карболкой –
Вы насмерть возвышались над столом
И только слышали:

«Товарищ доктор!
Товарищ военврач! Спасите!.. Больно!..»

Третья изображает
Солдата среди болот:
Стоит на посту и мерзнет,
А смена все не идет.
Четвертая – просто набросок:
Кусок кумача в кулаке,
Бульжная мостовая,
Труба дымит вдалеке.
А пятая акварелька –
Наверное, автопортрет:
Студент глядит исподлобья,
Кутаясь в клетчатый плед.
В том же шестнадцатом

мама

Супруга себе нашла;
В приданое

пять акварелек

Она с собой принесла.
Отец мой над детской кроваткой
Приклеил картинки к стене;
С тех пор этот дядя Коля
Живет неприметно во мне.
...Сегодня бы тем акварелькам
Стукнуло семьдесят лет, –
Если б война пощадила
Бумагу, рисунок и цвет.
Вроде бы все пропало,
Развеялось в пух и прах...
Но я еще жив! И картинки
В моих существуют стихах.

Когда бессонный пульс упрямо
Одoleвал земную тишь –
Я повторял себе, как мама:
«Всё сбудется, усни, малыш...»

И всё сбывалось понемногу.

28 декабря 1996 г.

Магалиф Юрий Михайлович (1918–2001). Родился в революционном Петрограде 1918 года в семье провизора и польской графини (Миткевич). Вместе с репрессированной матерью отправился в ссылку. В 1936 году вернулся в Ленинград и поступил в театральный институт. Прочувшись три года, снова был сослан по 58 статье в Сибирь. С 1946 года, после освобождения из лагеря жил и работал в Новосибирске. Юрий Магалиф – талантливый писатель, поэт, художник, резчик по дереву, артист. Как артист филармонии объездил с концертами всю Сибирь. Один из самых ярких писателей Новосибирска. Член Союза писателей СССР. Его перу принадлежит 36 книг. Его детские книги издаются многие десятилетия в России и Европе. Многие его произведения, особенно повесть «Приключения Жакони» переведены на разные языки мира. Лауреат литературной премии им. Н.Г. Гарина-Михайловского. В Завельцовском районе одной из улиц присвоено имя Юрия Магалифа. В Кировском районе в 2013 г. появилась библиотека семейного чтения им. Юрия Магалифа.

Более 10 лет Юрий Михайлович был первым президентом детского клуба книголюбов «Книжная шкатулка». О работе клуба неоднократно рассказывалось во всесоюзном радиожурнале «Пионерская зорька» и на страницах газеты «Пионерская правда».

Был участником многочисленных «книжных десантов», творческих встреч, фестивалей и карнавалов литературных героев, которые проводились «Обществом книголюбов».

Евгений МАРТЫШЕВ

* * *

Печальное время – родителей старость
(захочешь – не сможешь его миновать),
когда понимаешь,

что мало осталось

до...

страшно подумать,

не то что сказать.

И с горькою болью,

с немим содроганьем

при каждой из встреч отмечаешь в душе
всё новые меты, следы увяданья,
которых, увы,

не укроешь уже.

Вдруг, как озаренье,
откроются взгляду
и тяжесть походки,
и слабость руки,
и щедрая снежность рedeющих прядей,
морщин паутина,
провалы-виски.

И сердце защежит когтистое бремя:
захочется,
впору в отчаянье взвыть,
от стьлого ветра
по имени ВРЕМЯ
собою прикрыть,
заслонить,
защитить!

Я сам понимаю наивность желанья.
У жизни для жизни
не выпросишь дня.
Стоит моя мама –
почти уже тайна.
Стоит у окна, поджидая меня.

И я умоляю продлиться мгновенья.
Пусть каждое будет не меньше, чем год!

Какой великое благо – СЫНОВСТВО!
Его сознаёшь в полной мере тогда,
когда подступает вплотную сиротство
и жарко задышит в затылок беда.

И что тут ни делай,
а суть неизбежна.
Так было,
так будет во все времена.
Смешались в душе
благодарность и нежность,
печаль и тревога,
любовь и вина.

Гляжу на окно...
в пальцах стынет мимоза,
как облачка клоч,
что упал с высоты...
И щиплют глаза
позабывшие слёзы,
и шепчут одно только губы:
– Прости!

Мама, Мартышева Лилия Ивановна

МОНОЛОГ БЛУДНОГО СЫНА

– Отвори же мне, мама!

Я сын твой смертельно уставший.
Разреши мне войти.

Пред тобою упасть разреши.
Дай уткнуться в колени
лицом и душой исстрадавшей.

Ты меня поднимать,
умоляю тебя,
не спеши.

Ты меня пожалей.
Не сочти мою просьбу за слабость.
Удиви добрым словом.

Увы, я их все позабыл.
Я когда-то ведь знал,
что такое и счастье, и радость,
а теперь, как зола,
прогорел. Отбуянил. Остыл.

Приготовь мне рубаху,
чтоб белого снега белее.
Стосковался по чистому,
с хрустом крахмальным белью.

И горячей воды,
и мочалку мохнатее, злее
и сто грамм после бани –
бескрайнее горе залью.

За столом сядь напротив.
Ни слёз, ни вопросов – не надо!

* * *

Те, кто дали мне жизнь...

их, увы, уже нет.

На погосте могила одна и другая.

Где теперь бесприютно их души летают:

или рядом со мной,

иль у дальних планет?

Мне неведомо. Нет.

Но бывает порой

после шумного дня,

в тишине предвечерья

вдруг дымком сигаретным

истает свеченье,

абсолютно один,

вдруг почую спиной

чей-то взгляд,

или тень по стене проскользит

то ль от ветки в окне,

то ль от вспугнутой птицы,

ни с того, ни с сего

заскрипит половица,

в кресле – вмятина,

словно в нём кто-то сидит.

Шкаф открою –

потёртый отцовый пиджак

шевельнётся,

стремясь приобнять рукавами,

Заколышется

платье не модное мамы...

Тонкий запах духов...
(не исчезнет никак).
Тут же шляпка,
пуховый платок,
сапоги,
плащ,
не ношенный мамой,
(всё после да после).
Надо б людям отдать,
чтоб какая-то польза.
Понимаю умом,
только всё не с руки.
Не могу.
Почему-то душа супротив.
(Сам не знаю,
с чего она так своевольна.)
Не смешно ли?
Как будто я делаю больно
этим старым вещам,
их окрест раздарив.
Словно я их предам,
обустроив свой быт.
Словно я совершу
недостойное сына.
Смерть предтеч отсекала,
но кровит пуповина,
костей связан был с ними...
кровит и кровит.

* * *

Мама, я помню, просила меня незадолго до смерти,
в серых глазах маскируя осеннюю грусть:

– Слушай, сынок, обещай мне, что сделаешь это...

– Что, мама, сделать? Конечно, исполню. Клянусь!

– Если умру, а когда-то ведь это случится,
к Ольге Васильевне, нашей соседке, зайди.
Пусть-ка завьёт, в этом деле она мастерица,
мне надо лбом два-три локона на бигуди.

– Мама, ну что ты? – в ответ возражал я смущённо. –
Мне от тебя это слышать довольно смешно.
Рано ей-Богу! Твой возраст ещё не преклонный,
Да и как выглядеть мёртвым, не всё ли равно?

– Сделай, сынок.

– Не волнуйся. Накрутим хоть сколько.
Разве, наивный, я мог бы помыслить тогда:
маму уложит инсульт на больничную койку.
Мама с неё не поднимется уж никогда.

Минет три года. Ужасных, мучительных года
этой тяжёлой и очень неравной борьбы.
Мама истаяла, и гигиене в угоду
Маму остригли – реалия горькой судьбы.

Так и ушла без своих завитушек желанных.
Нечего было накручивать на бигуди.
Вот и выходит, что клятвы своей не сдержал я.
Горько и больно. Прости меня, мама. Прости!

* * *

Мама на кухне. У папы полёты.
Май на исходе. Дурманит сирень.
А в гарнизоне сегодня суббота –
это законный помывочный день.

Есть на отшибе котельная. Рядом
банька – кирпичный, неброский домок.
К баньке тропа мимо старого сада –
он за оградой из ветхих досок.

Мама, обед к возвращенью спроворя,
в ёмкую сумку неспешно кладёт
мыла брусок и мочалку, которой
до красноты мою спину натрёт.

Сложено стопкою наше бельишко,
снята со щами кастрюля с огня.
Мама берёт аккуратно подмышку
эмалированный таз для меня.

Вместе шагаем тропой привычной.
Я семеню, успевая едва.
Над головой синева безгранична.
Запахом терпким дурманит трава.

Очередь женская бдит возле бани.
Столь новостей и любая – важна!
Здесь и соседка Игнатова Таня.
С нею дружу. Молчалива она.

Куплен билетик, и мы в раздевалке.
А из помывочной сдержанный гам.
Кто-то помылся. Они, как русалки,
мокрые пряди струят по плечам.

Жар их разнежил, но зрима сноровка
в каждом движенье и в позе любой.
Мне лишь четыре, но очень неловко...
Я понимаю, что я... не такой.

Мама вершит мой помыв деловито,
голову мылит: «Зажмурься, сынок!»
– Мама, я сам! – возражаю сердито,
перехватив у ней мыльный брусок.

Женщин фигурки в пару, как в тумане.
Глухо звучат голоса, как в лесу.
Неподалёку Игнатова Таня
с пупсом пластмассовым млеет в тазу.

После помыва хрустящей простынкой
насухо мама меня оботрёт.
Я неумело шнурую ботинки.
Сам. Я же взрослый – пусть видит народ.

Маме соседка с притворным укором
молвит, глаза изумлённо скося:
– Лиля, сынка-то женить уже впору.
В женскую баню такому нельзя.

Ох, как уела меня тётя Поля,
на чужеродность мою намекнув!
Я выбегаю из бани на волю,
лямки штанишек едва застегнув.

Всё! – я внушаю дорогой упрямо.
Больше, мол, с тётями в баню – ни-ни!
– Ладно, сынок, – улыбается мама, –
с папою будешь ходить. Извини.

Вместе шагаем. Счастливые оба.
Радость в душе от грядущих новизн.
Май на исходе. Сирень бесподобна.
И впереди ещё целая жизнь.

МАМИН УРОК

(рассказ женщины)

То ли мне восемь, то ли восьмой –
с мамою ссора.
И поклялась я покончить с собой,
не переспоря.
Вздрыгнула мама и пролила чай
прямо на платье.
Но, помолчав, мне сказала: «Прощай!
Смерти приятной!»
Ах, как вскипела обида в груди
жарко, как пламя.

Нету отныне домой мне пути,
милая мама.
Папин надела огромный тулуп,
валенки, шапку.
Дверью шархнул мой будущий труп –
помните Натку!
Прямо под окна, чтоб маме видней,
пала в сугробы.
Ну, заметай меня, вьюга, скорей,
стужей испробуй!
Ах, как в тот день несусветно мело,
било снегами.
Мёрзну, лежу, а украдкой в окно
гляну – там мама.
Как неживая, стоит и стоит,
не шелохнётся.
Ни наказанием мне не грозит,
ни отвернётся.
Час или два или больше прошло –
не представляю.
Чую, из тела уходит тепло.
Всё – замерзаю!
Чувствую – блекнет обида моя.
Как она вздорна!
Нет, виновата не мама, а я –
это бесспорно.
Встала и нехотя в дом побрела,
приковыляла.
– Мама, прости, не права я была.
Всё поняла я.

Мама ни взглядом в упрёк, ни словом
(разве забудешь?),
долго молчала, спросила потом:
– Ужинать будешь?
– Мамочка! (Чувство вины как ожог!)
Мама! Родная!...
Вздрыгнула, глядя на мамин висок:
прядка седая.

Мартышев Евгений Федорович родился в 1945 г. в Свердловской области в семье военнослужащего. Окончил новосибирский электротехнический институт. Работал прорабом, главным инженером СМУ. С 1985 г. – главный энергетик ФГУП ГТРК «Новосибирск». Печатается как поэт в журнале «Сибирские огни» с 1979 г.

Поэт, Член Союза писателей РФ, член Союза журналистов РФ, академик Петровской академии наук и искусств, руководитель областного литературного объединения «Молодость» при Союзе писателей. Лауреат региональной литературной премии им. Н.Г. Гарина-Михайловского, 2015 г.

Имеет награды: премия митрополита Иоанна «За крупный вклад в духовное развитие общества», 2009 г.; премия международного фонда славянской письменности и культуры имени равноапостольных Мефодия и Кирилла «За выдающиеся достижения в русском художественном творчестве», 2012 г.; премия имени Сергея Есенина «За победу во всероссийском конкурсе патриотической поэзии «Гой ты, Русь моя родная!», 2013 г.

Им создан целый эпос в жанре поэтической сказки.

Пропагандист местной литературы, бескорыстный воспитатель молодых авторов. Давний друг, советчик, консультант «Общества книголюбов».

Мы будем верно
воспевать
ту женщину,
чья илья Мать!

Муса Джалиль

Татьяна БАРХАТОВА

БЕРЕГИТЕ МАТЕРЕЙ

Берегите матерей,
Добрым словом берегите,
В глубине души своей
Чувство нежности храните.

Постарайтесь их понять
И на ласку не скупитесь,
Чтоб самым счастливей стать,
Потерять их берегитесь.

Только им любить дано,
Боль души перевозмогая,
Им одним не все равно,
Как живем мы и страдаем.

Кто, когда не станет их,
Нас жалеть не перестанет?
Боль души залечит вмиг
Кто, когда их вдруг не станет?

Берегите матерей
Да продлите путь их к звездам
Теплотой души своей,
Пока еще беречь не поздно.

СВЕТ МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ

Позову – а в ответ тишина.
За меня, видно, Богу молится
Мама, мамочка там моя,
Безутешная Богомолица.

Мир земной и небесный храня,
За детей выйдешь смело на битву ты,
Добротою души пленя
Да своими святыми молитвами.

«Ты прости меня, мама, прости, –
Молю твоего я прощенья, –
Прости, все грехи отпусти
Мои за мои прегрешения».

Лунный свет – свет небесной любви
С той далёкой страны таинственной,
Свет великой и вечной любви,
Материнской любви – единственной.

ПОСЛЕДНЯЯ ФОТОГРАФИЯ

Ты сидишь на крыльце
У родимого дома.
Я смотрю на тебя,
Не могу наглядеться.
Ты живая! И всё мне
До боли знакомо
Память режет мне душу
До самого сердца.
Без тебя твой очаг
Тишиною наполнен.
Очень нам тяжело
Быть с тобою в разлуке.
Твой дружок дорогой
Тебя любит и помнит,
Только некому больше
Подать ему «руку».

ТЫ ЖИЗНЬ МОЯ

Ты дарила мне жизнь
И к груди прижимала,
Колыбельную пела
И ласкала, ласкала...

Материнское счастье
Ты мне завещала
И «Кощею Бессмертным»
Мне быть обещала.

Мама, Бархатова Наталья Иосифовна

Ты была маяком,
Моей плотью и кровью,
Согревала теплом
И своею любовью.

Теплоту очага
Моего сохраняла,
И обиды свои
Молчаливо прощала.

Ты негромко жила,
Не легко, не богато
Но твоей добротой
Я осталась крылата.

Ты прости мне. Родная,
Все мои прегрешенья
У тебя и у Бога
Прошу я Прощенья

И небесного счастья,
Моя мама родная,
Ныне, присно, во веки
Я всем сердцем желаю.

МАМА МОЯ

Память сердца в душе берегу,
А душа лишь твердит мне упрямо:
И на этом и том берегу
В ней твоё отраженье, мама.

Припев:

Мама моя,
Я кровинка твоя,
Я частичка любви
Твоей чистой и нежной.
Мама моя,
Ты ласкаешь меня
И любовью своей
Греешь душу, как прежде.

Ты меня научила любить,
Ты свою мне дарила нежность,
Научила любовь ценить
И беречь огонёк надежды.

Припев.

Не разлучат нас годы, века,
Не разделят нас горы и реки.
Я с тобой, ты со мной навсегда.
Мы повенчаны Богом навеки.

Припев.

НАША МАМА

Нет горше, нет печальней слов
На грешном свете:
«Биологическая мать» –
Сказали дети: «Ты нам не мать,
Ты просто нас на свет пустила,
А мама та, а мама та,
Что нас растила».

Припев:

А наша мама нам
Всю ласку отдала,
А наша мама нас
От горя, бед хранила,
Маленькие наши
Души берегла,
Нежностью любви
И счастьем осветила.

А ты жила лишь для себя,
Ни днём, ни ночью
Совсем не думая о том,
Где твой сыночек,
Что дочь – кровинушка твоя –
От горя плачет.
Ведь у детей должна быть мать,
А как иначе?

Припев.

С мамой, Натальей Иосифовной

И ни к чему теперь на нас
Таить обиду,
Что любим маму мы свою,
Тебя не видим.
Тебя простили, как могли,
Года считая,
Но невозможно жить в любви,
Детей бросая.

Припев.

МАМА

Муз. Александра Заволокина

Ты – рождение мое –
Море радости,
Добрых сказок волшебство,
Будни, праздники,
Детство, юность и мечты,
Жизнь беспечная,
Ты – родник моей души –
Мудрость вечная.

Ты – печаль моя и боль –
Сердцу милый дом,
И последний твой причал –
Уголок родной.

Ты достойно пронесла
Крест свой праведный,
И осталась ты моей
Вечной памятью.

Ты – звезда моя в ночном
Небе ясная,
Песня тихая моя
И прекрасная,
Добрых глаз лучистый смех,
Дум сплетение,
Ты – прощание на век
И прощание.

Бархатова Татьяна Георгиевна родилась в 1949 г. в Новосибирске. Отработала в конструкторско-технологическом институте. Она – монтажник радиоэлектронной аппаратуры высокой квалификации.

Заслуженный ветеран СО РАН. Стихи начала писать с сорока девяти лет, после смерти мамы. Автор 2-х сборников стихов. Участник областных альманахов. Неоднократный победитель региональных конкурсов творческих работ. На стихотворение «Мама» известный новосибирский композитор А. Заволокин написал музыку.

Елена БЕЛОСЛУДЦЕВА

БОЛЬШИЕ МАМЫ

Существует мудрое изречение: «Родина утверждает магнитное притяжение к определенному складу духа». И вся трудная история нашей Родины раскрывает и подтверждает этот определенный склад духа нашего народа. Одна из главных черт нашего народа – самоотверженность, самопожертвование. Сколько испытаний и тягот пришлось преодолеть нашему народу. Каждая семья, каждый род судьбу Родины несли на своих плечах. Народ творил коллективный подвиг.

Вся культура нашего народа напитана и отражает этот определенный склад духа. Как сказал наш замечательный писатель Валентин Распутин: «...по-русски – значит по совести».

Или погибший в военном 1944 году командир взвода бронейщиков 24-летний Георгий Суворов:

«Свой добрый век мы прожили как люди, И для людей!»

Или погибший в 1942-м доброволец-разведчик 22-летний Николай Майоров:

*И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «человек»!*

Подвиг – только в русском языке есть это слово, несущее в себе особый, нам понятный смысл. Прекрасно сказал об этом замечательный русский художник-гуманист Святослав Николаевич Рерих, говоря о своей картине «Скорбящая» («Пиета») (1960): «Это общечеловеческая тема. Герой пожертвовал собой за идеал. Рядом его мать и любящая женщина, которые так или иначе принимали участие в его подвиге и таким образом тоже стали героями. Никто не может измерить чувство матери или чувство любящей женщины. И может быть, в какой-то момент, горе матери больше, чем страдание самого героя.

Это то, что повторяется в жизни все время и всюду. И мы должны помнить, что не только один какой-то человек, один герой совершил подвиг, но были и другие, которые его и поддерживали, и остро переживали этот героический поступок.

Розовый луч, который пронизывает тьму, – это луч надежды. Во всем, даже в страшной кромеш-

ной тьме, всегда есть что-то, что освещает глубину нашего горя и дает нам надежду».

И мой папа, имея бронь, добровольцем ушедший на фронт, Белослудцев Сергей Митрофанович, писал маме с фронта (24.10.42), что героизм на войне складывается из коллективных усилий множества людей, устремленных к одной великой цели:

«Что такое война с технической точки зрения? Не с политической, а технической. Это – желание одного противника сделать или создать у другого беспорядок, а у себя, наоборот, укрепить порядок – побеждает тот, кто сумеет в продолжение большего времени удерживать порядок, создавая одновременно беспорядок у противника.

Героизм же в бою – это заключительный аккорд всякой операции – самое простое (не легкое, а именно простое) – это лежать или стоять с оружием и стрелять или бить немцев. Но вот – в грязь, холод идти, лежать, ждать, ехать, готовиться к бою – или делать такое будничное дело, как везти продовольствие, боеприпасы, это в тысячу раз трудней».

Родина жива, пока мы верны складу духа наших предков. Из глубины веков закалялся и передавался этот дух – все вместе и для людей. Мы должны быть благодарны своим старшим родичам за их мужество, стойкость – на пределе возможного. Они скрепы наши – духовные и физические. Каждый человек нес огромную нагрузку – и должен

был выдержать. Сильно то поколение – им отмерено «с любовью и по силам», как сказано в Библии.

Я хочу рассказать о моих родных – людях 3-х поколений. Они пример для меня – мужества, терпения, преданности, самоотверженности.

И начать надо с моей бабушки – маминой мамы – Францужовой Александры Сергеевны (1891–1974). Это ангел-хранитель нашей семьи. Папа ушел на фронт и погиб. Мама работала за себя и за папу – мы ее мало видели. Бабушка приняла на свои плечи ношу семьи за папу и за маму. Она родилась в бедной многодетной семье. Зимой по очереди дети, имея на всех один тулупчик и валенки, выбегали на улицу прокатиться с горки. Окончила 4 класса церковно-приходской школы. В 13 лет пошла работать прислугой в семью инженера, многому там научилась – главное, культуре быта и взаимоотношений. Очень любила читать, ей часто в последние годы жизни дарили на день рождения книги. Рано вышла замуж, родила 4-х детей; малолетними умерли мальчики (корь), девочки выжили. С мужем И.В. Коземасловым вырастили и дали образование двум дочерям: старшей Елене – высшее (инженер-химик), младшей Антонине – среднетехническое.

Жизненная ниша бабушек и дедушек – передать следующим поколениям мудрость накопленного опыта и знаний, пример жизни, традиции, дух и опыт народа через былины, сказки, легенды, через личные воспоминания.

Наши бабушки совершили подвиг – стали опорой, надежным тылом трем поколениям: вырастили своих детей, вырастили внуков и помогали растить правнуков. Растили, кормили, воспитывали. Шили (из старого) растущим детям пальтишки, платишки, одежду. Чинили износившуюся одежду до последнего – у моей бабушки у самой чулки и белье большей частью состояли из штопки, чем из первоначальной ткани. Из «выходной» одежды (в пору моей школьной и институтской жизни) у нее были сшитые ею сарафан и легкие маркизетовые кофточка – не было кофты, пальто на переходную холодную сентябрьскую-октябрьскую погоду. И мы с мужем с первой своей зарплаты заказали ей у лучшего частного портного пальто из бежевого габардина, которое она так берегла, что после ее смерти оно осталось почти новым. Шила пододеяльники, наволочки: с любовью безукоризненно обметывала петли под пуговицы – стежок к стежку – это были произведения искусства. И моим сыновьям любовно шила рубашечки, штанишки, пальтишки. Постельное белье кипятила, крахмалила, гладила без единой складочки. В комнатах – ни единой пылинки. Мыла окна – бесстрашно выходила за окно на небольшой гранитный выступ (будучи «в теле») – 5-й этаж стоквартирного дома на площади Свердлова. Я плакала, хватала ее за ноги, а она отшучивалась, смеялась, но стала мыть окна в наше отсутствие. Любила комнатные цветы, выращивала из семечка (папа привозил из

Сочи) туи, пальмы, кипарисы. И все это протира-
ла от пыли, опрыскивала водой. Всегда у нас цве-
ли изумительные глоксинии. Так мы привыкали к
красоте во всех видах – и духовной, и физической.
Когда мы учились в школе – она с утра успевала
сбежать на базар (центральный или Октябрьский),
приготовить завтрак, отправить нас в школу. По-
мню, как караулила она у окна нас с подругой,
когда мы возвращались с очередного экзамена в
10-м классе, показывали ей пальцами «5» и шли к
другой ждущей бабушке. Жили мы скромно – на
одну мамину зарплату и на половину небольшой
пенсии за погибшего папу (другая половина начис-
лялась родителям папы) – четыре человека: мама,
бабушка и мы с сестрой. Но всегда бабушка в вос-
кресенье и праздники старалась устроить празд-
ничный стол – белая накрахмаленная скатерть,
посуда лучшая и еда: пироги с мясом или капу-
стой, картошкой, бульон к ним. Любила стряпать:
булочки, хворост, ватрушки, шаньги, сухарики с
изюмом и корицей, печенье. Терпеливо и любовно
мыла мне голову – длинные непослушные волосы
– жидким мылом (другого не было), приговарива-
ла по-христиански: «крыльца потрем» (лопатки) –
ведь из-за оплечий у Ангелов выросли крылья.
Растила в такой любви, что это давало нам силы и
заряд крепости – опору на всю будущую жизнь.
Всю жизнь я помню и чувствую ее руки – краси-
вые, изящные, теплые, мягкие, всегда в трудах.
Бабушка любила и заботилась о своих зятях, и

они платили ей своей любовью. Мой папа говорил моей маме: «Твоя мама больше моя мама, чем твоя». И мой муж очень любил нашу бабушку – она жила в нашей семье и была окружена всеобщей любовью и заботой. И Афанасий Никифорович Сопов – муж младшей бабушкиной дочери Антонины звал бабушку «мамочкой».

Наши бабушки. Они сами прожили очень трудную жизнь – и всеми мерами хотели облегчить жизнь нам, тем самым беря на себя необходимые НАМ испытания, порой освобождая нас от возможностей закалки духа и тела. А мы возлагались – «леностью расслабления». Это уже взрослой я узнала молитву: «Святый Архангеле Гаврииле, вестник Божиих тайн, моли Бога о мне грешней и укрепи мя от лени расслабления».

Как успевали они делать все эти дела, сохраняя при этом хорошее настроение, ни на что не жалуясь. Изо дня в день – примером жизни прививая и укрепляя в нас этот склад духа – самоотверженность, стойкость, верность, преданность, трудолюбие, любовь.

Такими были все наши женщины – все бабушки вокруг меня, и их мамы, и их дочери – наши мамы тоже.

Моя мама – Белослудцева Елена Ивановна – оставшись вдовой в 30 лет с двумя дочерьми на руках (1 год и 6 лет), столько сумела нам дать. Мама моя. Красивая, сильная женщина. Инженер-исследователь-химик. Начальник центральной лаборатории на

Белослудцева Елена Ивановна, моя мама с нами,
дочерьми – Олей (около 2-х лет) и Леной (7 лет).
Лето 1943 года (папа погиб 10 декабря 1942)

Новосибирском камфарном заводе. Беззаветно и творчески отдавала себя работе. Одна из авторов разработки и внедрения в производство синтетического смазочного масла для фронта, синтетической камфары, первых пластмасс. Имеет три медали. При всей своей занятости старалась внести в наше детство побольше красоты. Наше белье, одежда всегда были украшены рисунками несмываемым ляписом. Даже на моем мешочке для обуви был нарисован

Французова
Александра Сергеевна,
моя бабушка
(мама моей мамы)

родной гусенок. Из консервных банок делала ведерки: красила белой краской, а поверх – вишенки. Для заработка ночами шила для знакомых из их трофейных материалов платья. Не раз я видела, как она плакала, уронив голову на машинку и глотая рыдания, чтобы никто не услышал. Огромная заслуга мамы и бабушки, что мы с сестрой окончили школу с серебряной медалью, получили высшее образование (химический факультет Томского политех-

нического института, как и наши родители).

Французова Прасковья Антоновна (мама моей бабушки Александры Сергеевны) с мужем Сергеем Сергеевичем вырастили 2 сыновей и 2 дочерей. Она рано овдовела – много тягот и трудов выпало на ее долю.

Сергеева Степанида Сергеевна – старшая сестра моей бабушки. Прожила трудную жизнь. Поздно

вышла замуж. Мужа, И.И. Сергеева, репрессировали, посмертно реабилитировали. Вырастила одна на зарплату санитарки замечательного сына Александра. Сын сразу после окончания 10-го класса школы был призван на фронт в 1942 году, в 1944-м в умер в госпитале. Разведчик отдельного истребительно-противотанкового дивизиона стрелковой дивизии. 20-летний сержант. Награжден медалью «За отвагу» в ноябре 1943 г.

Белослудцева
Анна Пименовна,
моя бабушка
(мама моего папы)

Белослудцева Анна Пименовна (мама моего папы Сергея Митрофановича) – с мужем Митрофаном Николаевичем вырастили 2 сыновей. С двумя маленькими детьми ездила за мужем по всей стране. Отдали сыновей Родине. Остались одни: папа погиб на фронте (посмертно награжден орденом Красной Звезды), дядя Анатолий (награжден

медалью «За отвагу» за участие в боях с японцами) умер в госпитале(?). Из Коломны, из дома для престарелых, бабушка присылала мне в письме маленький засушенный цветочек желтой акации – зов нежности, тепла, красоты.

Шерина Александра Ивановна – моя замечательная свекровь. Вырастила с мужем Ф.И. Науменко троих сыновей. Первая дочка умерла маленькой от болезни. Как сказал ей мой муж, Александр Федорович Науменко, незадолго до своего ухода: «Мамочка, я тебя очень люблю, ты всегда была для меня примером беззаветного служения людям». Она много помогала мне в воспитании наших сыновей, звала их «голубчик Сереженька», «голубчик Сашенька».

Феодосия Федоровна Шерина – (мама свекрови) с мужем Иваном Мелентьевичем вырастили 3-х сыновей и 4-х дочерей. Из воспоминаний свекрови о своей маме: «Пришла соседка за картошкой. Мама – мне: «Саночка, спустись в подпол – набери». Ушла соседка с картошкой. Мама спрашивает дочку: «Как набирала картошку – подряд или выбирала?» – «Выбирала – не крупную» – «Не делай так – выбирай лучшую». Вот так воспитывалась в человеке истинная интеллигентность – не во имя свое.

Мария Ивановна Науменко – (мама свекра Федора Ивановича Науменко) с мужем Иваном Федотовичем вырастили 5 сыновей и 2 дочери. Жила с моей свекровью, помогала растить внуков. Прожила трудную жизнь, как и все ее сверстницы, – время было жесткое.

Анастасия Емельяновна Сизова – бабушка моей подруги Ларисы Диянковой. Родила 11 детей, в живых остались 3 сына и 2 дочери. Прожила очень трудную жизнь. Но всегда сквозь видимую сдержанность и некоторую суровость мы чувствовали ее тепло и участие. Помнятся ее глаза, вобравшие все скорби жизни.

Мария Петровна Голубева – бабушка моей подруги Эммы Жуковской. Родила 9 детей, в живых остались 1 сын и 4 дочери. Муж ее смолоду был в «красных», партизанил. Можно представить, сколько ей пришлось пережить с «кучей» детей при такой жизни. И эта закалка осталась в ней – в прямой осанке, твердой походке, в голосе, в уверенной привычке руководить жизнью огромной семьи.

Наши женщины – столько дали детей Родине – верных, с отважной душой – откуда бы потом в черную годину встала эта стена защиты Родины.

Как писал о сибиряках фронтовой поэт Иван Краснов: «Из ста ушедших на войну всего лишь трое возвращались...»

Щемящее чувство благодарности вызывает стихотворение Нинели Созиновой (1931–2005) «Пасхальная ночь 1943 года» – о бабушке: это наши бабушки приняли на свои плечи огромную ношу – заменить внукам ушедших на фронт или погибших там родителей или сутками работавших матерей, сохранить теплом своего сердца очаг семьи, очаг мира. Их мотив приобретает в понимании Н. Созиновой вселенский масштаб самопожертвования:

*...И спасла:
тепло души и крова,
и зеленый тополь у крыльца,
и внучат,
что так белоголовы –
в русого погибшего отца.*

*...Просто нам хотелось вскоре
жизнью маленькой одной
заслонить людей –
от горя,
от пожара –
шар земной...*

Томление матери – так назвал Иисус Христос это чувство самопожертвования матери: ее думы, ее чувства, ее дела – с момента, когда женщина начинает носить ребенка под сердцем и во все дни жизни повзрослевших сыновей и дочерей до конца своих дней. Есть легенда, записанная святителем Димитрием Ростовским, о том, как Иисус Христос спрашивал у своей мамы: «Рцы Мне, Мати Моя, колико болезней наибольших, живуци на свете, претерпела еси Мене ради?» И ответила Пресвятая Мати Его, что «наибольших пять болезней» претерпела. И обещал Ей Господь, что воздаст благодарность каждому, кто «на каждую болезнь Твою на кийждо день прочтет с молитвою Моею, сие есть «Отче наш», и Архангельское обрадование, сие есть «Богородице Дево, радуйся». И отсюда произошли Пяточисленные молитвы. Такое

значение придавал Иисус Христос самоотверженному женскому служению, без которого нет подвига, нет будущего у человечества.

Какую безмерную дозу томления как старшие рода приняли на себя наши бабушки – за своих внуков, детей, за весь народ, за всю страну. Томление самой матушки Земли разделили с Матерью мира за будущее человечества.

Глубокую благодарность несем мы в сердце своим бабушкам и мамам и всем родным за их подвиг любви, самопожертвования. И наш долг – передать вложенное в нас добро своим детям, внукам и правнукам.

***Белослудцева Елена Сергеевна** родилась в 1936 г. в городе химиков, Кемерово. Окончила Томский политехнический институт, где учились ее родители и сестра. 40 лет проработала в химии: на Новосибирском химическом заводе и Новосибирском заводе химконцентратов. Ветеран атомной промышленности.*

Ей повезло в жизни. У нее были замечательные родные: бабушки, деды, мама, папа, муж, семья мужа, близкие, друзья. У нее два сына, три внучки.

Любимое дело – философия, история. Знание космических законов помогало пережить трудные периоды жизни. Тягу к литературе испытывала с детских лет. С 90-х годов начала печататься в многотиражной газете «Вперёд» ОАО НЗХК. Занимается просветительской и выставочной деятельностью совместно с ГПНТБ, Художественным музеем, ВУЗами, по теме значения культуры в жизни народа.

Участница народных альманахов творческих работ: «Суровые годы войны», 2011 г., «В моей судьбе история России», 2013, 2015 гг.

Игорь ВАСИЛЬЕВ

*Смешались преисподняя и храм,
Представ стихами, прозой или песней...
Мир женщины – разгадывать векам
В пути земном, и в облаке небесном.*

* * *

Человеку свойственно ошибаться.
И это – ни для кого не новость.
Человеку свойственно ушибаться
о попавшийся под ноги камень,
о чей-нибудь взгляд или слово,
даже о голос.
Обычно говорят: «Упал – встань,
не хнычь
и дальше отправляйся».
А если человек сидит
и плачет,
как рассадивший коленку
маленький мальчик.

Что делать тогда?
Он ведь большой и взрослый,
а в глазах – обида ребёнка.
Ссадину эту не просто
помазать зелёнкой.
Может быть, стоит сказать:
«Не плачьте, пожалуйста».
Пусть он вам, как сынишка, пожалуется.
А вы его голову к себе на колени возьмите
и гладьте,
он согреется и уснёт,
как на коленях у матери.

ИЮЛЬСКИЙ ПЛЯЖ

Марево медленно кружится.
И до неистовства вплоть,
Словно под кистью у Рубенса,
Женская буйствует плоть.

В пышущей зноем картине
Высветит солнца мазок –
Всю соблазнительность линий.

Как обжигающ песок!

СОН ЖЕНЩИНЫ

На исходе дня, на исходе дня
полюби меня.
На исходе ночи, на исходе ночи
очи – в очи.
Рядом два лица, как луна бледна.
.....
Век – одна.

СОСЕДКИ

– ...Что, собирается рожать?!
Но ей уже ведь тридцать пять...
– А выглядит – на сорок лет.
– И мужа нет...
– Она была хотя б с лица... –
Судачат бабы у крыльца, –
– Сама бы хоть помыслила... –
И долго так ещё сидят;
Потом надолго замолчат,
Вздохнув завистливо.

УТРО

На тело юной женщины как будто,
В халатике с распахнутыми полами,
Глядишь в окно, с раздёрнутыми шторами,
На только что родившееся утро.

АВГУСТ

С утра уже не спится детворе.
Ос полосатых слышится гуденье.
И матери готовят во дворе,
На летней кухне – на зиму, варенье,

Нет ничего теперь для них важней...
Варенье закипало понемножку.
И, обсуждая цены и мужей,
В больших тазах помешивают ложкой.

Шёл разговор неспешно сам собой.
Лежал пятак, забытый у пристенка.
Стояли в ожидании гурьбой,
Пока в тарелке остывала пенка.

Пропитан солнцем – августа наряд.
Желтели к чаю взятые баранки.
И на скамейке выстроились в ряд,
Готовые принять варенье, банки.

Теплом окутан тополиный ствол.
И, словно душ собравшихся правитель,
Уже накрыт у летней кухни стол:
Свидетель всех дворовых чаепитий.

Угомонилась вскоре детвора.
Ещё тянуло жаром от запечья.
И в глубину утихшего двора
Вновь опускался августовский вечер.

СТИРКА

Затеяла стирку хозяйка.
До света придётся вставать.
Корова подоена в стайке,
И надо воды натаскать.

В колонке наполнены вёдра.
Невидимо время текло.
Погода стояла – на ведро,
И днём будет снова тепло.

Рассвет занимается ранний,
Последняя гаснет звезда.
И паром исходит в лохани
Кипевшая в вёдрах вода.

Занает предплечье несильно...
Прилипшая прядь у виска.
В лохани, под шапкою мыльной,
Стиральная тонет доска.

И новые вёдра на печке.
Поленьев трещало смольё...
А после – хозяйка на речке
Вручную полощет бельё.

Прохладней становится сразу,
А руки – проворно спуют...
Здесь бабы судачат о разном
Да новости все узнают.

Мама, Воронова Зоя Семёновна

Но, духом пропитана волглым,
Натянет верёвкой былё.
И белыми флагами, долго,
Полощет по ветру бельё.

Хозяин с работы вернётся,
Устало рукою махнёт.
Умывшись, по дому пройдётся.
Хозяйка на стол соберёт.

У печки замешкалась малость.
Белел над столом потолок...
И, словно снимая усталость,
Присядет, поправив платок.

ОТТЕПЕЛЬ

Рядом плакала женщина.
Оттепель. Снег размок.
Рядом плакала женщина.
Скомкан людской поток.

Женщина всё стояла
И, отвернувшись, лицо
Ладонями прикрывала.
Съёжилось пальцецо.

Канет слеза, скатившись.
Ни подойти, ни помочь.
Глядели, остановившись.
И уходили прочь.

Снег растаял, и трещина
Вновь по асфальту вилась.
Рядом плакала женщина...
Оттепель началась.

ВОРОЖЕЯ

Деревья овеивает летний ветер,
Вечерних листьев тени на лице.
Пришедшего сюда, как многих, встретят
Три кошки и собака на крыльце.

Снимаешь обувь, словно с сердца ношу,
Что с радостью бы сразу обменял
На обрезные чёрные галоши
На коврике из рваных одеял.

В сенях пустых – темным-темно, со света.
Идёшь к дверям, не видя ничего,
Негромко постучишь и без ответа
Войдёшь, но не увидишь никого.

Овальный столик справа, у окошка,
Два стула жестких, низкий табурет.
Да расписная, на клеёнке, ложка.
И чей-то, в рамке липовой, портрет.

Хозяйка дома явится неслышно
И речь неторопливо заведёт,
Заметив только: – Что бы там ни вышло:
Кому нужна, тот сам сюда придёт.

Расспросит о незначащих предметах...
И время незаметно потекло.
Из крашеного старого буфета
«Привет из Крима» – глянет сквозь стекло.

В беседе завязавшейся, по ходу,
В глазах уловит давнюю мольбу.
Достанет карт засаленных колоду
И, ворожа, раскинет на судьбу.

Десятка пик – к слезам, а может, к просьбе
(Смотря с какою мастью ляжет в ряд).
Обмолвится, что зло – не завелось бы...
Слова её, как ангелы, парят.

Луч на стене высвечивает drankу...
Хозяйка, под негромкий разговор,
Воды нальёт, под кран подставив банку.
Перекрестясь, нашепчет наговор.

Потом подует на воду немного
И, голову стараясь окропить,
Прося помочь заступницу и Бога,
Подробно скажет, сколько её пить.

Простится, против платы возражая,
И, словно в заколдованном кольце,
У двери сядут, молча провожая,
Три кошки и собака на крыльце.

Васильев Игорь Алексеевич родился в 1955 г. в поселке Варва Черниговской области. В 1966 г. семья переехала в Новосибирск.

Сегодня он работает учителем истории в школе №65 Кировского р-на. До этого занимался трубоукладкой, был грузчиком, экспедитором, работал на заводах ССМ и СТМ. Был собственным корреспондентом многотиражной газеты «Голос рабочего». Его стихи звучат по новосибирскому радио, публикуются в газетах «Советская Сибирь», «Вечерний Новосибирск».

Награжден медалью «За ратную доблесть» (2013 г.), медалью Министерства обороны «Адмирал Кузнецов» (2014 г.) за большой вклад в пропаганду героических традиций Российской Армии.

Неоднократный победитель областных творческих литературных конкурсов. В 2010 году – победитель международного литературного конкурса «В дружбе и единстве наша сила» (г. Курск). В 2011 году – лауреат фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба». (г. Борисоглебск Воронежской области). В 2012 г. – лауреат открытого Московского фестиваля «Есенинские напевы». Автор 4-х книг.

Лилия
ГАГАЙ

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕЙ МАМЕ И БАБУШКЕ

Меня семья не утруждала,
Наверно, верила: авось!..
Я многого не понимала –
А старшим тяжело пришлось.

Искусно мама платья шила
И пела грусть свою одна.
В боях погиб геройски милый.
И жизнь лишь доченькой красна.

А я беспечна: есть бабуся,
И сад сам по себе растёт...
Не знала, что к земле вернусь я,
Когда настанет мой черёд.

Я ни о чём не горевала,
Не ожидала – грянет гром.
Картошку бабушка копала,
А я в кино – неслась бегом...

Теперь лишь вспомню – и слезою
Глаза подёрнутся мои:
Росла беспечной стрекозою
Я в окружении семьи.

Теперь, внучата, вы отрада,
Но боль преследует, томит.
Бесчувственность к родным когда-то,
Как камень, на душе лежит.

С утра на огороде буду.
Забот хозяйственных не счесть.
Для внуков – маленькое чудо:
Растёт горох, малинка есть!

От огурцов устали руки:
Подвязывай, корми, лелей.
Зато всё явственнее звуки
Симфонии в душе моей.

И внуков ягоды поманят,
Пусть редко, как тогда меня...
И в небе улыбнётся мама
Моя, а может, и твоя?!

17.07.2014 г.

Мама, Рыбачек Ефросиния Фёдоровна

ПОКА ОГНИ НЕ УГАСАЮТ

Метёт ли снег,
Идёт ли дождь,
Палит ли солнце –
В тревоге мать,
Сыночка ждёт,
Глядит в оконце.

Сынок шагнул,
Сынок летит,
Испытан волей.
Но есть магнит.
И он манит –
Гнездо родное.

Сынку – весь мир,
Отвага с ним,
Леса и поле.
Не заблудись,
Желает мать
Счастливой доли.

А дом с тобой,
И не споткнись
О двери рая.
«Люби других,
Люби родных!» –
К тебе взывает.

Мать у окна
Считает дни,
Сединки тают.
Спеши, лети,
Горят огни,
Не угасают!

16.11. 2013 г.

ЗАЩИТНИК

Серёже четыре.
Он пробует гири,
Он прыгает ловко,
Какая сноровка!
А в пять повзрослеет
И станет сильнее.
Он слушает папу,
Он маму жалеет.
И так как мальчонка
Смелее Алёнки,
Он в обиду её
Никому не даёт,
Когда на прогулку
С ней рядом идёт.

На фото Серёжа
В руках с автоматом
Стоит в гимнастёрке,
Он воин, как Тёркин.
Защитник достойный
Страны и сестрёнки.

ПРОСТИ!

Война кровавой пищи ищет,
Семья – мишень – куда ни кинь.
Погиб отец – и дом как нищий,
Дом – сирота, коль нет мужчин.

Я помню... Мама платье шила...
И пела... Грусть как пелена:
Нет милого, и свет немилый,
Лишь дочка солнышком одна.

А я беспечная, в косичках,
Бабуся внучку бережёт.
Не будет братика, сестрички,
Но мне причина невдомёк.

У мамы скоро взор увянет,
До срока выпцветут глаза,
А я живу как на экране,
Герой мне в фильме предсказал.

Горьки души воспоминанья,
«Прости!» – взываю к маме я
За детское непониманье,
Ты боль щемящая моя.

И оттого людские нужды,
Людские беды мне видней.
Забыты горести, на службе,
В плену у совести моей.

А войны вновь ломают жизни.
К уродству золота помёт.
Разрывы. Танки. Гибель, Тризны.
Людские судьбы на погост.

«Остановись, пока не поздно,
Кровавый зверь, кровавый бред!» –
Видение взывает грозно,
Оно сметёт твой смрадный след.

27.07.2014 г.

ВЕРНОСТЬ

С. Г.

Иконописные глаза,
Улыбка нежная Мадонны,
И не узнать, была ль гроза:
Они тихи, они бездонны.

Но что-то сердцу говорит,
Что их страданье не обходит,
Что иступлённо ждёт Парис
И у окон любимой бродит.

Но долг святой нашла ты в вере:
Семье любовь свою нести!
Кто ж глубину твою измерит?
Ты не свернёшь на полпути!

5.03.2015 г.

ЦЕНИТЕ ЖЕНЩИНУ

Цените женщину за то,
Что красотой небесных линий
Она дарует вам восторг,
Дарует вам полёт орлиный.

Цените женщину и ту,
Что вопреки потокам грязным
Вселяет в сердце доброту
И пробуждает светлый разум.

Цените женщину как мать,
Как мир, вселенную несущий.
Она пришла детей рожать –
И в этом долг её насущный.

Цените, если вопреки
Людской молве она, быть может,
С мужчиной наперегонки
Легко удержит в скачке вожжи.

Цените женщин милый круг,
Любите тех, кто не оставит,
Когда постигнет вас недуг.
И радоваться будут славе.

Цените женщину как миф –
За слабость и порой наивность.
Но помните секретный гриф:
Хранит её неповторимость.

БАБУШКИН ПОРОГ

Проходят мимо, мимо внуки,
Домой с занятий торопясь.
Всё мимо – вот закон разлуки,
Семья у времени в цепях.

Давно ли каждый день встречались
И радость бабушке несли?
А нынче бабушка в печали:
Хотя б на миг они зашли.

Давно ль у колыбельки пела
Она им песенки любви?
Теперь надеется несмело:
Свиданий миг неуловим.

Сама же времени другого,
Дел у неё невпроворот:
Идёт к подруге с добрым словом,
Но внуки... – продолженье, род!

И час придёт, и к ней вернётся,
Смысл жизни приоткроет дверь.
И вспомните её на взлёте,
В час радости и в час потерь.

Вам будет грусть тогда знакома:
Воспоминаний милый дом,
Вас защищающий от грома,
Любовью, лаской и трудом...

Стучатся. На пороге внуки,
И грусть со счастьем пополам:
Всё возвращается на круги,
И нам воздастся по делам.

октябрь 2013 г.

* * *

Мои городские старушки,
Над вами смеются подчас:
На пенсии, бьёте баклуши –
Сынам, дочерям не до вас.

А бабушки – дети России,
По храмам молитвы шепча,
Рукою своею бессильной
И холят, и крестят внучат.

С весной оживают старушки –
Рассада зовёт их: «Держись!»
Росточки лелеют, ласкают,
Чтоб овощ и плод удались.

Мечтают, как летом для внуков
Поставят малинку на стол –
Не с рынка, свою, налитую,
Частичку забот и трудов.

И что-то изменится в корне.
Невестка и сын их поймут,
Что сок, вызревающий в кроне,
От корня ведёт свой маршрут.

И даже когда в поднебесье
Душа, отслужив, отойдёт,
Бабули припомнятся песней,
Которая сердце зовёт

Дарить, невзирая на тучи,
Себя для других, как излёт...
И, верится: вырастет внучек –
И песни продолжают ваш род.

28.02.2014 г.

Гагай Лилия Устиновна родилась в 1941 г. на Украине.

Учитель-словесник. Нелегкий и сладкий учительский труд проходил в школах №182, №49, №135. Письма отца с фронта перечитывает каждый год, считая их своей путеводной звездой. Самая дорогая награда – знак «За любовь и добродетель».

Активно занимается просветительской деятельностью. Возглавляет районный кружок «Поэтические среды А.С. Пушкина». Председатель Женского Совета Кировского района. Участница народных областных альманахов. Автор двух сборников стихов: «Рябиновая осень» и «Благодарю тебя, Земля».

Антонина ГОЛОВИНА

ЭСКИЗЫ К ПОРТРЕТУ МАМЫ

Все мы родом из детства, и воспоминания о нем, и жизненный опыт, переданный в родительском доме, сопровождают нас всю жизнь. Родимый родительский дом – это и радость встречи с детством, и боль разлуки с ним, это живое существо, это действительно моя крепость, это суверенное государство для меня и моей семьи со своими законами, порядком, установлениями и культурой. Самое светлое и радостное время моей жизни я провела в нем. Я знала в нем каждое бревнышко и каждую щелочку в них, расцветку и рисунок половых досок и кирпичей, слагающих русскую печку, их потертости и даже вкус. В нем я научилась ходить и говорить, читать и писать. В нем я была защищена от холода и жары, голода и жажды, в нем я спасалась от бо-

лезней и обидчиков. В нем я была самой красивой, умной и любимой. Все самое важное, что предопределило мою взрослую жизнь, судьбу и характер, произошло в доме моего детства, моей малой родины. Это как источник с живой водой, где набираешься сил для продолжения пути, на протяжении которого не раз задаешь себе вопрос:

– С чего начинается Родина?

Его задаёт себе каждый человек в своё время. «Конечно, с мамы», – отвечу я, не задумываясь, навскидку. И самые ранние и редкие воспоминания связаны у меня именно с ней. Первой я увидела ее на белом свете и покину мир с её образом. Теплая, большая, статная, красивая, самая-самая, которая знает все, ответит на все «почему», и счастье, которое меня окружало в раннем детстве вместе с ней, подобное жизни в раю, о котором человечество помнит и передает из поколения в поколение в мифах, преданиях, ведах о сказочно богатой и счастливой Гиперборее, Атлантиде, золотой горе Меру – прародине всех людей. Как атом в миниатюре повторяет устройство Вселенной, так, видимо, и моя жизнь (и каждого человека) проходит все этапы развития человечества на Земле. И это ощущение счастья райской жизни в раннем детстве осталось во мне навсегда. А когда меня посещает бессонница, я начинаю вспоминать картинку своего детства и, счастливая, засыпаю.

Мама – это был целый мир для меня, в который она открывала двери все шире и шире. В 5 лет я

Мама, Кукина Екатерина Васильевна

думала о маме, что она знает все, в 12 лет – знает не все, в 20 лет – знает мало, а в 53, когда ее не стало, я возопила: «Почему я не записывала мамины рассказы?!» О многом я слышала от мамы, но память – ненадежный инструмент, многое ушло из нее. С собой она унесла большую часть истории нашего рода, историю, культуру вологодской глубинки начала XX века, историю становления Советской власти в нашем селе. Я любила слушать ее рассказы о своей молодости, свадебных обрядах, крестьянском быте. Бывало, приезжаешь к ней, подходишь к родимому дому и видишь в окне картину: мама сидит у окошечка, старенькая, седая, родная до боли, наклонив голову (значит, заснула), ожидая своих дочерей:

– Мама, ну что же ты не ляжешь на диван, там удобней и мягче!

– А я все жду, жду, подремлю и снова смотрю на дорогу, не идет ли кто из вас.

Сердце сжимается от тоски: никто не сидит уже у окошечка зимой или на скамеечке у крылечка летом, надеясь на скорую встречу со мной, не ждет меня – свою любимую дочь! Нет, она не умерла, она ушла отдыхать. Во сне я вижу ее всегда уходящей от меня, значит, мне еще не пришло время. Я знаю, она и оттуда заботится обо мне, своим появлением в сонных грезах она предупреждает меня об опасности, болезни или горе, подстерегающих меня, чтобы я была внимательнее, осторожнее и к своему здоровью, и к окружающей меня городской среде.

Пока бьются сердца матерей, они не перестают беспокоиться за безопасность и судьбу своих детей: «Куда ж ты, маленький, мир полон бед?», – примерно так говорят во все времена наши мамы словами песни, в каком бы возрасте мы ни находились.

«Ах, мама, маменька, я уж не маленький. Ах, мама, маменька, мне много лет», – приблизительно так отвечаем мы, их дети. Да, мне много лет, но я не устану говорить о ней и помнить. Мать – это святое понятие, это связующая нить между поколениями, это образец поведения для меня. Ее жизнь я знаю только с тех пор, когда я стала себя осознавать как личность, как человек. Значит, ей было уже 40 лет. Как и всем малым детям, она казалась мне самой красивой на земле, но и взрослея, она продолжала мне казаться красивой до конца жизни. Когда мама уже не вставала с постели, мы с сестрой умоем ее, причешем, посадим, обложив подушками, и любимся:

– Сестренка, смотри какая у нас красивая мама.

А маме тогда оставалось жить на земле всего один месяц. Невысокого роста, аккуратной-компактная, стройная (никогда не была полной), с густыми черными блестящими волосами, которые такими оставались до конца жизни. Черноглазая, с красивыми ногами. Они до старости у нее не болели, не были исковерканы печатью старости и немощи. Быстрая в работе и движениях, умелая в личном

хозяйстве и колхозе. Красивой хотела быть до конца жизни.

– Ой, девки, что-то у меня появился «шат», вчера оглянулась и неожиданно упала.

– Мама, в твоём возрасте все уже ходят с тросточкой. Ходи, пожалуйста, потише и не будь такой стремительной на поворотах.

– Ни за что на свете, никогда не возьму в руки клюку.

В её судьбе история России за 100 лет. До своего века она не дожила десять лет. Практически ровесница двадцатого века (1904–1993). Ни одна страна не испытала таких потрясений за этот век, как Россия: революция 1905 года; война с Японией; империалистическая война 1914 г., а фактически первая Отечественная война; революция 1917 г. и смена общественного строя; Гражданская война, разруха после нее; коллективизация и индустриализация страны; война с Японией; финская война; опять самая жестокая за столетие Отечественная война; разруха, восстановление народного хозяйства; опять резкая смена общественного строя 1991–93 гг. И все эти события прокатились по маминой судьбе тяжелым катком, но она никогда не обижалась на свою Родину. Ее она любила, как свой дом, как свою землю.

– Правители у нас временные, а народ и земля постоянные, – говорила мама.

Как она могла вынести такую тяжесть и прожить долгую жизнь? Получается, трудности зака-

ляют и дух, и тело. Только двадцать лет из ее жизни были в государстве спокойными, при правлении Брежнева, но это были уже последние десятилетия страны Советов и мамы.

– Смотри, как хорошо мы стали жить, питаться, одеваться. Разве девушка из крестьян, как ты, смогла бы получить высшее образование и защитить кандидатскую диссертацию при царе-батюшке? Как безопасно чувствуют себя дети и мы. Дома в селах и квартиры в городах закрываются практически от ветра. Все знают, что ключи лежат под ковриками, – часто говорила мама в те годы.

Мама была единственной дочерью в семье моего деда и слыла в округе красавицей и славнухой. Так на русском севере называли перспективных невест, относительно богатых, работающих и красивых.

– Три послевоенных года были самыми тяжелыми для меня. Весна и лето до овощей в огородах были особенно голодными. Чтобы не голодать, приходилось много работать самой, и детям не давала отдыха, сеяли табак, делали для продажи махорку, по неделе стояла в городе на рынке зимой, продавая ее, держала ульи, драли корье, дубила кожи, также для продажи готовили крахмал. И эти работы делались в «свободные» часы от работы в колхозе.

За ударную работу в колхозе ее направляли перед войной на сельскохозяйственную выставку в Москву. Имела красивую грамоту с выставки раз-

мером с картину, которая долгие годы висела на видном месте в рамке на стене. На областных следах передовиков сельского хозяйства награждали бороной и плугом.

Картинки моего детства

Земной поклон моей маме. Горжусь, что принадлежу к ее роду, в трудные години для страны всегда встававшего на защиту ее рубежей, своих очагов и не посрамившего себя ни на фронте, ни в тылу, научившего меня любить свою Родину, русский народ, трудолюбию, терпению, жить в согласии с соседями и природой.

Когда приходила из школы, меня всегда ждал вкусный горячий обед. Мы садились за стол, но мама почти не кушала, подпирала рукой голову и смотрела-смотрела на меня, приговаривая:

– Какая же ты у меня красивая и умная!

И ни один человек в мире не мог бы доказать ей обратного. Вернуть бы те времена! Где же ты, моя родная, и видишь ли ты меня из такого необъятного и непонятного космоса или другого измерения и чувствуешь ли ты, как мне тебя не хватает, как часто я ощущаю себя одинокой на этом маленьком плотике жизни? Уже никогда я не услышу таких искренних материнских слов, никогда я не почувствую себя маленькой и молодой на этой земле, а также защищенной от всех бед и несчастий, потому что нет больше моей мамы, и я уже

сама глава одной из ветвей маминого рода, где я старше и опытнее всех, и уже никто не скажет мне, когда это было, если в памяти возникнет вдруг очередная картинка из 1944-го, 45-го или 46-го годов.

Мы с мамой на плоту, лучим рыбу. Теплая летняя ночь, на улице ни ветерка. Кажется, что мы одни в целом свете, но мне не одиноко. Даже не кольшется камыш по берегам заводи. На краю стоит ведро с водой, на нем железная заслонка от печки, на которой горит лучина. Плот наш тихо несет по течению. Я лежу на плоту и смотрю в воду, а там, как в большом аквариуме, все видно до дна. Тихо кольшется трава по направлению течения, рыба чутко спит, только изредка шевелит плавниками. Дивная сказка. У мамы в руках длинная палка-острога, я даже не помню ее строения. Тишина, покой и радостное удивление узнавания прекрасного мира.

А дальше в памяти все стерто, сколько рыбы залучила мама, какая рыба – всё ушло в небытие. Только осталось на душе ощущение необыкновенного, всеохватывающего, необремененного никакими заботами счастья, которого я не испытывала с тех пор до сего дня и только иногда приближалась к нему. Я встретила большую любовь, испытала радости материнства, но эти чувства идут параллельно с тревогой за близких людей, ответственностью за их судьбы. Сознание и опыт уже довлеют над твоей душой, постоянно посылая сигналы, что не стоит расслабляться, что впереди тебя ждут

еще большие тревоги и потери, что надо готовить себя к ним, встречать их, не паникуя, и искать достойные и приемлемые выходы из сложившихся обстоятельств, как это постоянно делала мама.

Я просыпаюсь в скирде ржи. Значит, была осень. Светает. Прохладно. Передо мной горит «летучая мышь». Мамы нет. Мама, надеясь на мой крепкий сон, уходила от меня задолго до рассвета домой обряжаться, или, говоря по-сибирски, управляться, а горящий фонарь и я были знаком для председателя или бригадира близкого ее присутствия.

Вдруг возникает огромная тень, но я не успеваю напугаться, потому что она быстро уменьшается вместе с маминым голосом и ее появлением. Она несет мне горячую рогульку – вкуснее я никогда ничего не ела. Потом мама мне рассказала, что это мы сторожили колхозный хлеб около гумна (рига), который не успевали обмолотить цепами и молотилкой.

Запах хлеба остался с нами на всю жизнь. По его запаху мы знали, в какой избе он сидит в печи, и старались забежать в этот дом под любым предлогом: якобы мать послала за закваской для опары или щепоткой чая. Малому дитю в куске хлеба никто не отказывал, если он был. На вкус он был разный в те годы. Горьковатый из ячменной муки, рассыпающийся в крошку – с гороховой, упругий и слегка резиновый – на 90% из крахмала и тертого картофеля. Но независимо от добавок как была вкусна краюшка хлеба в моих руках, лишь бы она была

почаще в них (мечтала я), посыпанная крупной солью да со стаканом молока с душистой земляникой, которую мы собирали на лугу, где наши матери косили траву, а мы помогали ее ворошить...

...И как мамины руки безвольно повисали и безтолково суетились, когда она не знала, как разнообразить еду из очень скудного набора продуктов или его отсутствия. Помню, в голодную весну и начало лета 45-го года при разводе с отцом ей предложили двух дочерей – моих сестер отдать на воспитание отцу, который жил безбедно и сытно, работая председателем колхоза. Она собирала им легкие пожитки и одновременно растирала сухой белый болотный мох наполовину с мякиной на лепешки. Вышли мы их провожать за околицу, а мамины руки по пути рвали лебеду и крапиву для похлебки, и она специально наклонялась почаще, чтобы скрыть от нас молчаливые рыдания и слезы, но они падали ей на руки и были такими горячими, что крапива становилась нежгучей. А мое маленькое детское сердце разрывалось от горя, что моя такая сильная и большая мама плачет, а я не могу ничем помочь ее горю и защитить. Через месяц сестры убежали от сытной жизни, принесли нам маленький мешочек с зерном, который они потихоньку взяли у отца, сказав нам, что никогда не вернутся туда, а лучше умрут вместе с нами. Однажды, когда мне уже было за 50, я заметила, натирая ее руки мазью, что мои

руки – это точная копия ее рук, удивляясь природе наследственности. Она ответила: «Не обижайся на них, и у меня, и у тебя трудолюбивые руки, они многое умели и умеют».

В большой комнате после ужина все собирались за столом в кружок, зажигалась керосиновая семилинейная лампа с металлическим абажуром, и начиналось семейное чтение. Особенно художественной выразительностью отличалось чтение моей старшей сестры, и я, открыв рот, ловила и запоминала каждое движение ее губ, бровей, оттенки интонации и мечтала о скором ее замещении на этом посту, когда научусь читать. Было уютно, покойно, тепло и сытно, в комнате светло, на потолке чуть покачивается темный круг от абажура, на кухне мирно кипел самовар, на полу настланы чистые домотканые половики, я сижу на них, уткнувшись в колени к маме, ее рука ласково гладит и почесывает мою голову, и я незаметно засыпаю. Как живо я представляю эту картину до сих пор и благодарна судьбе, что память меня возвращает снова и снова в счастливые моменты моей жизни, которых было в моей жизни не так уж мало.

Материнский подвиг

Мама вырастила всех нас порядочными людьми, помогла вынянчить внуков и правнуков, которые души не чаяли в своей бабушке. В преклонные годы однажды ей захотелось в очередной раз вечер-

ком побывать у дочери Лиды, а расстояние до ее дома не ближее. К многочисленным внукам, правнукам и дочерям ее возили они на мотоцикле, но что-то на сей раз у него мотор забарахлил, и правнучки через все село весело катили ее в люльке в ручную. А когда мой сын привозил ее в город, то в нашу квартиру на пятом этаже всегда заносил на руках, потому что она страдала одышкой. А в детстве любил с ней спать, и мама по секрету мне рассказывала, как заботливо ночью укрывал ее одеялом и подтыкал его со всех сторон, чтобы ей не дуло.

Мама много знала стихотворений наших русских классиков (научил муж) и учила запоминать их своих подрастающих внуков. Вечерами мне докладывала: «Андрюша выучил уже 16 стихотворений». Сыну было тогда два года. Эти стихотворения они декламировали вдвоем. Трудные для сына некоторые слова в них произносились бабушкой. Она постоянно читала местную газету и, по моему совету, тренировала свою память, запоминая интересные из нее статьи, и рассказывала их мне.

Я никогда не забуду, как мама в декабрьский трескучий мороз по бездорожью поехала из Ордынска в город, разыскала мое учебное заведение, где взяла программу по сдаче очередной моей зимней сессии, в библиотеке взяла учебники, а у моих одногруппников попросила конспекты с лекциями. Я сама поехать не могла, так как моему сыну еще не исполнилось и десяти дней. В городе переночевала, в обратный путь отправилась утром и ехала

до Ордынска 10 часов в холодном крытом кузове грузовика (автобусы тогда еще не ходили в село) – перемело дорогу. А в мае мне надо было проходить преддипломную практику на Севере, и мама согласилась остаться с четырехмесячным малышом. Не знаю, как бы поступила я на ее месте. Какую ответственность она взвалила на свои плечи, трудно представить! И была с таким крошкой полгода. А затем каждую зиму приезжала с ним к нам в г. Ханты-Мансийск, прихватив с собой «по пути» большие кошелки с морковкой, свеклой и чесноком, а весной увозила внука назад.

Когда что-то не залаживалось в учебе у внуков Валеры и Игоря, ездила в город, беседовала с завучами и директорами, «утапывала», как она говорила, различные осложнения в учебном процессе. Она не боялась открывать любые двери. Это делала женщина, не имеющая ни одного класса образования.

Доброта у мамы была глубоко в крови. Она наделяла подарками людей, которые ей сделали даже незначительную услугу или добро. Медсестричкам и почтальонкам вручала кому гуся, кому курочку, кому яички.

Я поражалась ее интуиции, материнское сердце чувствовало всегда беду, происходящую с нами. Однажды после защиты диплома в университете г. Томска меня практически прямо с поезда увезли в больницу с преждевременными родами. Я не успела ей об этом сообщить, да и не хотела ее волно-

вать. А утром слышу из палаты на улице мамин голос.

– Тоня, подойди к окошку?

– Мама, ты как узнала, что я в роддоме?

Сердце с вечера затосковало. А ночью приснился мне сон. Родился у тебя мальчик. – После всех событий она мне рассказала его полностью.

– Родился у тебя красивый мальчик, и идет он мне навстречу в длинной белой рубашке. Я поняла, что родится малыш живым и умрет вскоре маленьким, что у тебя случилось горе, и утром ранехонько помчалась в город.

Через месяц так и произошло. И она целый месяц жила у меня, поддерживала духовно и морально.

Долгие десятилетия мама не признавала бога: «Если бы он был, не было бы у России такой тяжелой судьбы». Но за пять лет до своей кончины вдруг с великой радостью сообщает всем: «Легла вчера днем отдохнуть. То ли уснула, то ли нет, но вдруг вижу, как наяву спускается с неба в сияющих белых блестящих одеждах Иисус Христос. Наверное, скоро меня призовет на небо». «Нет, мама, это тебе было какое-то хорошее предзнаменование», – успокоила я ее, но поняла у мамы наступило примирение с Богом.

Недели за две до кончины не всегда ее разум контактировал с реальностью, нас уже редко узнавала, но забота о семье и крестьянская жилка продолжали в ней биться.

– Девки, вчера я купила новый дом, уже были литки (это запивки при купле или продаже чего-либо крупного. Старое славянское забытое слово. В Сибири это действо называлось «магарыч».

До последних своих дней у мамы не угасала любовь к нам, ее детям. А за три дня до смерти, захожу к ней в комнату, она ясными умными глазами смотрит на меня, узнает, тянет призывно ко мне исхудалые руки, я подбегаю к ней, наклоняюсь, она изо всех сил старается обнять меня, целует:

– Тоня, Тоня! Милая ты моя, как я соскучилась по тебе. Как ты живешь?

И это были ее последние слова, Слова Матери с большой буквы, подводящие итог ее материнскому подвигу.

08.11.2015 г.

Головина Антонина Григорьевна родилась в 1940 г. на Вологодчине. С 1953 г. – в Новосибирске. Окончила Томский университет. Геолог, кандидат геолого-минералогических наук.

В 2014 г. награждена правительственной наградой – знаком «Отличник разведки недр».

Оптимистка и жизнелюб, никогда не унывает. Женщина яркая и самобытная. Артистична, любит природу, путешествия, хорошую литературу. Участница и неоднократная победительница народных конкурсов творческих работ. Печатилась в газетах «Советская Сибирь», «Вечерний Новосибирск», в печатных изданиях Томска и Вологды. Автор 8-ми книг. Тема матери в её произведениях занимает ведущие места. 2 книги посвящены маме: «Ещё не всё о маме» (2013 г.), «Любимый образ» (2014 г.).

Валентина ДЁМИНА

* * *

И все чаще ночами мне снится
Локон черный, у лба завиток,
Незабудки по платью из ситца,
Белокаймый зеленый платок.

Силуэт на песчаном откосе
После трудного знойного дня.
Возвращается мама с покоса –
Земляника в руке – для меня!

И коса на плече отдыхает,
Наработалась вволю и всласть,
А закат, как пожар, полыхает,
И румянцем заря занялась.

Я к откосу (а сердце ликует)
По колючкам бегу без штиблет,
Мама гладит мне щеки, целует,
Будто бы не видала сто лет.

И протягивает землянику –
Символ встреч после долгих разлук,
И струится под краем великим
Аромат добрых маминых рук.

Как давно! Как давно это было!
А как будто бы только вчера
Улетела пером журавлиным
Моего малолетства пора.

* * *

Я маму свою больше жизни люблю.
Уже два часа на посту я стою.
В руках автомат, пистолет с кобурой:
Я – мамин защитник, солдат боевой.

И пусть моя мама сейчас далеко!
Я знаю, что ей без меня нелегко.
В руках автомат, пистолет с кобурой.
Я – мамин защитник, солдат боевой.

Спи, мама, спокойно в ночной тишине,
И пусть тебе ночью приснится во сне:
И как я умнею, и как я расту,
И как охраняю тебя на посту.

Мама, Антошечкина Мария Ивановна

* * *

Я помню дом мой. Он всему начало.
И быт наш деревенский и простой.
Меня и провожала, и встречала
Икона Богородицы святой.

Церквушку помню на зеленой горке,
Как белый парус над Упой-рекой.
На мне батистовое платье в сборку,
Что сшито за ночь маминой рукой.

Бывало, только лес листвою покроется,
Ликует моя детская душа,
Нарядные, мы с бабушкой на Троицу
Идем вдвоем к обедне, не спеша.

Дорога извивалась и петляла
Сквозь рожь, сквозь лес в соседнее село.
Неблизок путь, но я не уставала,
Мне подставляли ангелы крыло.

О, как же я любила церковь эту,
Дым ладана, зажженных свечек свет,
Но в школе мне сказали: «Бога нету!»
Велели крестик снять, мол, Бога нет.

И три москвички, Танька, Татка, Света,
На все вопросы «знавшие» ответ,
В деревню приезжавшие на лето,
Наперебой кричали: «Бога нет!»

Трещали, как сороки, без умолку,
Репей колючий мне бросаю вслед,
Дразня меня при этом богомолкой,
И снова повторяли: «Бога нет!»

Двумя руками затыкая уши,
Я прибежала к маме вся в слезах,
И говорила мама: «Их не слушай.
Бог есть. Он с нами. Он на небесах.

Бог есть любовь. Мы им живем и дышим.
Напрасные слова тут не нужны.
Он потому не виден и не слышен,
Что все мы до безумия грешны».

* * *

*Моей маме,
М.Н. Антошечкиной,
посвящается*

Ты пишешь мне, что выписала прессу,
Что до весны дотянешь как-нибудь.
Приятно знать мне, что снимает стрессы
Районная газета «Светлый путь».

Газеты, помню, ты всегда читала,
В статьи журнальные любила заглянуть,
Но с трепетом особенным листала
Любимую газету «Светлый путь».

Когда-то в ней стихами я грешила,
Перо острее пыталась отточить,
Но так, как надо, и не отточила:
Так вышло, мама, так уж получилось,
Не каждому дано поэтом быть.

Еще ты пишешь, что бодра, здорова,
Хотя поверить в это нелегко,
Что все-таки оставила корову
И будешь пить парное молоко.

На днях полтонны отрубей купила,
Машину дров березы и сосны,
С сестрой Наташкой сена накосила:
«Корове, Бог даст, хватит до весны».

Деревня наша тихо умирает,
В диковинку стал детский голосок,
Сосед на горке утром созерцает:
Жива ли Манька, вьется ли дымок?

И если вьется, облегченным вздохом
Наполнятся и сердце, и душа:
«Жива старушка... Ну, и слава Богу...»
И «Беломор» закурит не спеша.

А если не видать дымка над крышей,
Бежит стремглав, отбросив все дела,
Чтоб ощутить, увидеть и услышать,
Мол, «все в порядке, просто проспала».

А я-то жду тебя в Новосибирске:
Приедешь и посмотришь, что да как,
Но для тебя пуститься в путь неблизкий,
Наверно, непомерно трудный шаг.

Не так-то просто вырваться из дома.
От печки, от родимого плетня,
Где каждая тропиночка знакома,
Где каждая былиночка – родня.

Так и живем всю жизнь перед дилеммой,
Друг с другом не общаясь много лет,
И все какие-то преграды да проблемы:
То денег нету, то здоровья нет.

Ты пишешь мне, что выписала прессу,
Чтоб лишний раз на почту заглянуть,
Наверное, и впрямь снимает стрессы
Районная газета «Светлый путь».

МАМА

А годы-скакуны летят упрямо,
Несутся вскачь сквозь суматоху дней.
Живет на свете старенькая мама,
Между делами вспомните о ней.

Она сидит часами у окошка,
Вязанием спасаясь от тоски,
И освещает солнышко немножко
Волос ее смешные завитки.

Порой подолгу смотрит на дорогу,
На даль, что увела ее детей,
Смахнув слезу, с надеждой и тревогой
Все ждет и ждет каких-нибудь вестей.

Звонок, письмо, открытку, телеграмму,
А может быть, почтовый перевод,
Пусть небольшой, но с ним у вашей мамы
Наступит в жизни новый поворот.

Пойдет во двор, расскажет всем соседям,
Улыбчива, степенна и горда,
Что помнят, помнят, помнят ее дети,
Да и не забывали никогда.

И купит себе кофточку горошками,
Платок в цветах по кругу, как венок.
«Какие ж они все-таки хорошие,
Заботливые – дочка и сынок».

Пойдет на праздник Богу помолиться
В храм за рекой, где не была давно,
Всех близких помянуть и похвалиться
Обновками своими заодно.

Рублей за двадцать купит газетенку
В киоске с надписью «Союзпечать»
И приютит бездомного котенка,
Уж он-то ей не даст теперь скучать.

Гостинцы рассует во все карманы,
Чтобы соседских угощать детей.
Живет на свете старенькая мама
И ждет с утра до вечера вестей.

Ей волосы зима посеребрила,
И стала синь в глазах чуть-чуть бледней,
Она такое чудо сотворила,
Она нам жизнь однажды подарила,
А сколько слов заветных говорила.
Ах, дети, дети, помните о ней,
О женщине, что всех родных родней.

ГОЛУБКА

Прости меня, мама, за то, что твой милый портрет
При жизни твоей я не часто в стихах рисовала,
Теперь вот рисую его, а тебя уже нет,
И рву, и черкаю, и всё начинаю сначала.

Прости меня, мама, за лёгкие крылья мои.
Они уносили меня от родимого дома.
Прости за тропинки, что в сад наш меня не вели.
За нежности прости, за любовь, что дарилась другому.

Прости меня, мама, что в церковь не часто хожу
И свечки святым всем я там не всегда зажигаю,
Но я тебя помню, люблю и тобой дорожу,
И в грусти, и в радости, мама, тебя вспоминаю.

Я – дочка твоя, я – голубка, но крылья мои
Не часто несут на могилку твою у дороги.
Прости меня, мама, и там, в той далёкой дали,
Проси у Всевышнего, чтоб не судил слишком строго.

Мне так не хватает твоих удивительных глаз
И рук твоих тёплых, мозолистых и узловатых.
Я знаю, родная, я всё понимаю сейчас
И в каждой морщинке считаю себя виноватой.

Ах, если б ты встала, ах, если б ты только жила,
Ах, если бы, если бы, что говорить-то об этом?
Ты б мамой, сестрою, ребёнком моим бы была.
Подругой была бы, звездою и солнечным светом.

Тревога твоя за меня так была глубока.
Голубкой своей ты при жизни меня величала.
А я всё рвалась, всё стремилась лететь в облака.
И крылья меня уносили к чужому причалу.

Они уносили меня от зелёных дубрав,
От свежести рос в суету городов уносили.
От поля, от речки, от запаха скошенных трав.
От Божьего храма, где в детстве меня покрестили.

Так хочется мне в те края, где поют соловьи.
И в омут цветущих садов с головой окунуться,
Я – дочка твоя, я – голубка, но крылья мои
Уже не способны во всю свою ширь размахнуться.

МАМЕ

Дай мне руку одну, дай мне руку другую,
Их я в сердце своем навсегда сберегу.
Дай мне руки свои, я их так расцелую –
Все мозоли губами своими сожгу.

Мне с рожденья близка их любая шершавинка.
Что дрожит на ресницах слезинка-капель?
Дай мне руки свои, дай мне руки, пожалуйста,
Что качали когда-то мою колыбель.

Эти руки узор в мои косы вплетали,
От дождей и ненастья меня берегли.
Все на свете работы они испытали,
Все невзгоды и трудности перенесли.

Дай мне руки свои – эту нежность святую
В своей памяти я навсегда сберегу.
Дай мне руки свои, я их так расцелую –
Все мозоли губами своими сожгу.

Дёмина Валентина Михайловна родилась в 1938 г.
в с. Кулешово Тульской обл. Окончила МГУ (факультет
журналистики).

Переехала по месту работы мужа в Сибирь.

Стихи пишет со школьных лет. Неоднократный победитель региональных творческих конкурсов. Занимается просветительской деятельностью. Руководитель районного (г. Краснообск) объединения «Созвездие».

Автор 6-ти сборников стихов.

Зоя ДУБОВЦЕВА

МАТЕРИНСКИЙ ХЛЕБ

Проснувшись затемно, бывало,
Я слышу в кухне странный шум
И, прочь откинув одеяло,
Туда немедленно спешу.

Дрова потрескивают в печке.
Уютом полнится изба,
А мама при чадающей свечке
Готовит свежие хлеба.

Она движением привычным,
По формам тесто раскидав,
Печет для нас блины обычно.
Их вкус я чувствую всегда.

Затем лопатой деревянной
Она сажает булки в печь,
Чтобы зажаристый, румяный,
Душистый каравай испечь.

Мама, Галактионова Екатерина Михайловна

И через час передо мною
Лежал готовый каравай.
И мне казалось, он немного
Цветочный запах издавал,

А также запах разнотравья
И аромат родных полей,
Ну, словом, в свежем каравае
Был запах Родины моей!

МОЛОДАЯ МАМА

(акrostих)

Маша – дивное создание,
Алой розы лепесток,
Шутку ловит с пониманьем,
А порой строга, как Бог.
Дышит к Ромочке неровно,
Ублажает муженька.
Главный в доме все же Рома,
А нежней – ее рука.
Называет ее мамой
Он, Алешенька-сынок,
Всех родней и лучший самый,
А прохожим – невдомек!

ХОЗЯЙКА ЦВЕТОЧНОГО РАЯ

Хозяйку цветочного рая
Надеждой по-русски зовут.
Она, красоту создавая,
Немало вложила в свой труд.

Здесь каждый цветочек буквально
Прохожего радует глаз.
И где тут цветок самый главный,
Просматриваю в сотый раз.

Здесь целая оранжерея
Открыта сибирским ветрам,
А в центре ее сама фея
Хлопочет, как видно, с утра.

Вопрос возникает спонтанно:
Какая же сила любви
Скрыта в труде этом странном?
Пожалуйста, мне назови.

Открой же мне, милая фея,
Такого старанья секрет.
С такой красотой мир светлее
И солнца лучами согрет.

ТЫ У МЕНЯ ЛИШЬ ОДНА

Ты у меня лишь одна,
Плоть моя, кровь и отрада,
Ты уже мать и жена –
Это есть Божья награда.

Знаю, что множество дел
Грузом ложится на плечи.
Что ж, это женщин удел,
Эти проблемы извечны.

И, повинуясь судьбе,
Ты не спасуешь, не стонешь.
Жизнь благосклонна к тебе,
Значит, ты этого стоишь.

Тихий домашний уют,
Доброй семьи микроклимат
Руки твои создают
Нежно и неутомимо.

Носишь отцовы черты:
Точная все же примета,
В том, что счастливая ты,
Нет совершенно секрета.

МАМИН ПОДАРОК

Кольцо мне мама подарила
в далёкой юности. И я хранила
подарок много-много лет.
Ценней подарка в жизни нет.

Пришла беда, какая жалость:
моё колечко распаялось,
видать, от времени, по шву.
Как больно сердцу моему!

И тут внезапно мозг пронзила
шальная мысль: я не носила
на шее крестик золотой,
а, как и многие, простой.

Найти б мне мастера такого,
чтоб из колечка золотого
сумел бы крестик сделать мне,
это приемлемо вполне.

Я вскоре встретила умельца.
«Не хитрое такое дельце, –
сказал он, – в крестик обратить
колечко». Так тому и быть.

Вот так свершилось превращенье –
колечка в крестик обращенье.
И я у Господа прошу
Прощенья, если вдруг грешу.

МАКОВКА

*«Мудрость основана
на добре и истине».*

Года четыре мне от роду было.
Мама головку мою принакрыла
Красной косынкой, на ручки взяла,
Маковкой алой меня назвала.

Маму тогда я недопонимала.
Маковкой кличет меня моя мама.
С маковкой алой какое родство?
Я признавать не желала его.

С маком всё ясно: растёт в огороде,
Мак и съедобный, лекарственный вроде,
Мак – удивительный чудо-цветок,
Шёлковый каждый его лепесток.

Как подросла, и теперь уже снова
Я возвратилась к значению олова.
Чтоб распознать самой маковки суть,
Сообразила в словарь заглянуть.

Я отыскала ещё два значения.
И каково же её назначение,
Маковки этой? О чудо-чудес!
На голове у нас маковка есть!

Маковка то же, что наша макушка,
Можно рукою достать из-за ушка.
Маковка есть. Ну, а где ж красота?
Истина, думаю, очень проста.

Скрыта она у нас где-то в подкорке,
В центре макушки самой, в собственной норке,
Маковка – то, что на самом верху,
А её красота – человеческий ум.

Маковка есть у церковного храма.
(Знала об этом, наверное, мама.)
Верх золоченый – сама красота
Маковки той, что вблизи от креста.

На протяжении всей моей жизни,
От четырёх моих лет и поныне,
Маковка, да и сам маковый цвет, –
Символ красивых, мной прожитых лет!

ОТЧИЙ КРАЙ

В сибирской дикой глухомани,
Коль обратиться в прошлый век,
С тремя монетами в кармане
Обосновался человек.

То был мой дед. Ему по нраву
Пришлась сибирская земля.
И потому себя по праву
Считаю сибирячкой я.

И как наследие приемля,
Трудолюбивый мой отец
Корнями врос вот в эту землю,
Сибири истинный жилец.

И мне всё трогательно мило
В краю отеческом моем,
Где в детстве мать меня поила
Коровьим тёплым молоком.

Пусть не одно ещё столетье
Цветёт сибирская земля,
Одна из лучших в целом мире
Земля родимая моя!

Дубовцева Зоя Ивановна родилась в 1939 г. в с. Заречное Тогучинского р-на. С 1990 г. живет в Новосибирске. Двадцатилетний опыт работы в школе.

Победитель регионального конкурса творческих работ «Школьные годы чудесные». Участница народных альманахов «Я люблю тебя жизнь», 2010 г.; «Суровые годы войны», 2011 г.; «В моей судьбе история России», 2013, 2015 г. Печаталась в газетах «Советская Сибирь», «Голос». Автор книги «Жизнь моя, иль ты приснилась мне», 2015 г.

Людмила ЕЛИСЕЕВА

Моя мама родилась и жила на Украине, обладала изумительным меццо-сопрано, но из-за гражданской войны и голода не смогла выучиться в консерватории, куда ее приглашали. Основную часть своей жизни она работала с детьми. Еще до войны мама поставила всю «Пиковую даму» Чайковского с детьми, оформляла центральные залы Москвы, где проводились новогодние праздники, изобретала детские игрушки и модели детской одежды. В Новосибирском доме художественного воспитания детей она вела кружки – танцевальный и «Умелые руки», была массовиком-затейником и вместе с мужем Сергеем Тимофеевичем вела кукольный кружок, куклы для которого делали они сами, привлекая детей. Дважды новосибирский Оперный театр заказывал ей разработку и исполнение сложных оригинальных костюмов. Я ей активно помогала. Едва на сцене появлялись актеры в этих костюмах, раздавался буквально шквал аплодисментов. Мою маму очень лю-

били кружковцы, мои подруги и друзья. Некоторые из них мне завидовали и хотели иметь такую маму. Мне необычайно повезло с родителями, за что я не перестаю благодарить Судьбу.

* * *

У мамы добрые глаза
И ласковые руки.
Мне с мамой весело всегда,
Я с ней не знаю скуки.
И пожалеет, и простит
За мелкие проказы,
И за серьёзные меня
Не шлепала ни разу.

* * *

Медвежонок расшалился:
Влез на дерево – свалился.
Медвежонку стало больно.
Мама очень недовольна,
Но сыночка пожалела,
Не отшлепала за дело,
А легонько потрепала,
Нежно в носик полизала.
Мама любит шалунишку,
Разломаченного Мишку.

* * *

Маме стану помогать я:
Отстираю пятна с платья,
Просушу его потом
И отглажу утюгом.
Перемою всю посуду,
И сотру я пыль повсюду,
И цветы полью в саду,
Если леечку найду,
Помогу испечь блиночки,
Хлеб нарежу на кусочки.
А теперь пора присесть
И как следует поесть.

* * *

Бегает по травке босоногий мальчик.
Прямо на дорожке вырос одуванчик.
Он такой пушистый, он такой красивый!
Цап его за ножку – побежал счастливый.
Мама за подарок нежно приголубит,
Ведь она цветочки очень-очень любит.
Сговорился с ветром хитрый одуванчик –
Не донес цветочек огорченный мальчик.
Оседлали ветер тысячи пушинок,
Чтоб потом украсить тысячи тропинок.

* * *

Нога до мозолей натерта,
И колом стоит гимнастерка.
Похож на усталого черта
Солдат-пехотинец Егорка.

Едва восемнадцать отметил
И школу окончил прекрасно.
Как в бой угодил, не заметил,
И как стал безногим, несчастным.

Веселость, куда подевалась?
Мечты взорвались с той гранатой.
Егорку сломила усталость.
Теперь он – кусок от солдата.

Для мамы любой пригодится –
Живым бы вернулся мальчонка!
Но кто будет в танце кружиться?
Кого поцелует девчонка?

Без внуков останется мама.
«Позарится кто на калеку?» –
Так мыслит Егорка упрямо,
Решает, что бросится в реку...

Спасибо врачу – написала
Егоркиной маме посланье.
Взяла мать картошки и сала,
Примчалась к сынку на свиданье,

Упала в слезах на колени,
Больное дитя обнимает
И молча, застыв на мгновенье,
К Создателю взор поднимает...

И жить захотелось калеке
Для мамы, и солнца, и моря,
Забросив страданья навеки
И маму спасая от горя.

* * *

Черно-белая жизнь, черно-белые сны,
Стал и мир для меня черно-белым.
Я с трудом замечаю рожденье весны,
Потому что душа опустела.

Не могу осознать, как без мамы дышать.
Без нее жить совсем не умею.
Знаю, может меня на земле удержатъ
Лишь ребенок любовью своею.

С этих пор мы с сынком остаемся вдвоем,
И никто нам плеча не подставит.
Будем жить, как и все, в узком мире своем,
Будем ждать, когда сердце оттает.

Безусловно, у нас есть подруги, друзья.
Только мамы никто не заменит,
И по маме тоску успокоить нельзя.
Кто познал ее, тот мне поверит.

* * *

Я хочу летать над лесом.
Я хочу летать над полем.
Я хочу летать всегда,
Чтоб стелились подо мною
Луг зеленою весною,
Рек хрустальная вода.

Я хочу дышать простором,
Сольно петь и вместе с хором,
Сердце миру распахнуть.
Слиться я хочу со светом
И блуждать в пространстве где-то,
Не пытаясь отдохнуть.

Я хочу нырнуть в пучину,
Уподобившись дельфину,
Чтобы dna красу познать.
Я хочу купаться в травах,
Рвать цветы в густых дубравах,
Чтоб венки из них сплетать.

Бегать я хочу, как в детстве,
Донага хочу раздеться
И опять ребенком стать,
Чтобы вновь услышать сердце,
Золотое твое сердце,
Дорогая моя мать.

Не унять желаний жажды!
Трудно верить, что однажды
Их не будет у меня.
Снова мыслится о вечном,
Благодатном, бесконечном
Свете Божьего огня.

* * *

Стихов о матери несметное число:
Все говорят, поют, и восклицают,
И на словах дарят душевное тепло,
С восторгом бесконечно возвышают.

Как трудно выискать в богатствах языка
Живой поток достойных слов о маме,
Чья вечно нежная и теплая рука
Утешит нас, приникших со слезами.

Любовь, и радость, и ответственность, и труд,
Восторг и боль, усталость и активность,
Терпенье, щедрость, всепрощенье и уют,
Страх за детей, за детскую невинность,

И слезы тяжкие, и хохот, и мольбы –
Все это, все сливается упрямо
На веки вечные велением Судьбы
Для всех людей в святое слово «МАМА»!

С мамой, Розалией Иосифовной.
Сразу после войны

* * *

Мы просить привыкли у Создателя
Дать нам что-нибудь в протянутые руки.
Я ж благодарю за все, что дадено,
Даже за испытанные муки.

Я благодарю за небо пестрое
И за черное от озверевшей бури
И за облачко, лебяжьим островом
Спящее в искрящейся лазури;

И за Землю-мать, что сладко прячется
В покрывале том, воздушном и укромном,
Что ей позволяет обозначиться
Каплей жизни в космосе огромном;

За родник, в песке горячем блещущий,
И за солнце, в море уходящее,
И за океан, лениво плещущий,
И за речку, среди ив шуршащую;

За огонь костра, в ночи горящего,
И за свет лампы у святыни,
За сопящий нос младенца спящего,
За живой росток среди пустыни;

За траву на дне июньской лужицы,
И за скотный дух простых подворий,
И за воробья, который кружится
С вихрем снега в радостном задоре;

За ромашку, желто-белым пламенем
Вспыхнувшую на помойной куче,
И за ландыш на могилке маминой,
Ласково и трепетно пахучий;

И за первый звук из чрева вечности,
И за кружева мелодий радости,
И за проявленье человечности
Там, где не осталось места жалости;

И за вас, мои друзья и близкие,
Окружавшие меня родные люди,
Светлых, добрых, любящих и искренних,
Тех, кто был, кто есть и тех, кто будет;

И за то, что я – ЕГО создание –
В силах осознать ЕГО, могучего,
Ощутить в себе его дыхание...
Можно ли желать чего-то лучшего?!

* * *

Загляните в мой дневник:
Я хороший ученик,
В школе успеваю,
Спорт не забываю,
В шахматы играю,
Маме помогаю,
На футбол хожу
И с детьми дружу.

* * *

Мы мечтали с мамой
Жить при коммунизме.
Мы мечтали с сыном
В космос полететь.
Мы мечтали с внуком
Обойти Отчизну,
Чтоб в раскопках тайны
Мира одолеть.

Мамы нет на свете.
Сын уже стал дедом.
И у внука дочка
Малая растет.
А меня невестка
Потчует обедом.
Правнучка с подарком
Бабу ждет-пождет.

Не ропщу, что наши
Не сбылись мечтанья.
Без мечты на свете
Невозможно жить.
Без мечты не будет
Встреч и расставаний,
Без мечты счастливой
Жизни не сложить.

* * *

Никто не любил меня, как ты, мама.
Никто не жалел меня, как ты, мама.
Никто не ласкал меня, как ты, мама.
Никто не прощал меня, как ты, мама.
Никто не щадил меня, как ты, мама.
Не целовал нежней, чем ты, мама,
Не доверял во всем, как ты, мама,
Не покидал больней, чем ты, мама.

***Елисева Людмила Сергеевна** родилась в 1936 г. в Москве, в актерской семье. С 1947 г. семья Елисеевых после эвакуации – в Новосибирске.*

Окончила с красным дипломом сельхозинститут. 55 лет отработала в Академии наук на одном месте. Кандидат биологических наук. 130 научных публикаций, 1 изобретение, 4 рацпредложения.

Участница драмколлектива «Лицедей» при Доме Ученых. Солистка в коллективе «Академического вокала» при ДК Академия. Участница народных литературных альманахов. Автор 5-ти книг.

Лариса ЗАГУЛЯЕВА

ВОССЛАВИМ НАШИХ МАТЕРЕЙ

Помню маму очень красивой женщиной. Она всегда была с прической и с маникюром. Жили мы до войны в самом любимом городе мира Ленинграде. Он был строгий и величавый своей красотой. Мама соответствовала по красоте и женственности городу. Одевалась она со вкусом. Любила носить шляпки.

Однажды мама по моей просьбе купила мне и себе по два одинаковых платья: по чёрному и яркому оранжевому из шёлка.

Достала я из шифоньера мамины наряды и стала думать, из какого платья сделать наряд своей дочке-кукле. Хотелось с ней одинаково быть одетой. Решение приняла быстро – решила сделать наряд из чёрного маминого платья. Взяла ножницы и только хотела начать резать, как в комна-

Мама, Горнева (Васильева) Валентина Федоровна

ту вошла мама (в замочную скважину наблюдала за мной). Она задала мне вопрос: Что ты делаешь?

– Шью дочке платье.

– Почему ты взяла моё платье, а не своё?

– Хочу с дочкой быть одинаково одетой.
– А со мной ты не хочешь быть одинаково одетой?

– Хочу.

Сразу же поняла, что чуть не оставила маму без красивого наряда. Отнесла ножницы на место и прижалась к маме. Мне стало стыдно.

Другой случай был такой: мамины супы мне не нравились, и я отказывалась их есть.

У моей подруги маму звали Наташа. Мне нравились её супы, и я ела их с большим аппетитом.

Как-то к ним в гости пришла мама. Она вместе с тётёй Наташей за нами наблюдала во время поглощения супа. Мама спросила:

– Вкусный суп?

Ничего не подозревая, я ответила:

– Да.

– Так этот суп готовила я.

Мне стало стыдно и обидно, что мама меня так провела.

После этого случая стала всё есть дома.

Третий случай произошёл, когда была ученицей 6-го класса.

Во время урока русского языка классный руководитель – любимая Антонина Васильевна – вызвала меня в коридор. Там у окна стояла учительница биологии и зоологии. Она подозвала меня к себе и попросила закрыть глаза. Я выполнила её просьбу.

– Вот видишь, какие у неё огромные ресницы?

– Иди в класс, но не зазнавайся и никому не говори о нашем разговоре.

На следующий день ко мне подошла староста и сказала: «Девочки класса решили сорвать урок биологии. Ты с нами?»

– Я не могу быть с вами. Что мне за это будет?

– Мы тебе объявим бойкот.

Все знают, что бойкот – это самое тяжёлое моральное наказание. Таким образом, мне тоже пришлось быть поневоле участницей срыва урока биологии. Любопытный читатель может задать вопрос: «За что решили проучить педагога?» Ответ: за ежедневную смену нарядов.

Антонина Васильевна меняла наряды только по праздникам. Мы её всегда ждали с нетерпением. В чём же она придёт?

Антонина Васильевна собрала нас в спортзале, построила по линейке и сказала: «От всех вас я ждала чего угодно, но от тебя, Лариса, такого поведения не ожидала. Положи мне на стол дневник».

Когда она написала маме о срыве урока мной и попросила принести подпись на следующий день, я принесла.

– Что сказала мама?

– Ничего.

– Тогда я напишу на другой стороне.

Шла домой в большом волнении.

На другой день Антонина Васильевна вновь проверила подпись и спросила:

– Что сказала мама в этот раз?

– Ничего.

– Твоя мама такая строгая и ничего не сказала?

Я пожала в ответ плечами.

Так благодаря моей находчивости я избежала наказания, считая, что его не достойна. Ведь мне не хотелось так подло поступать, но, увы, ничего другого в той ситуации сделать не могла. Решила свою проблему простой промокашкой (они в наше время были приложением к дневникам).

До войны у мамы была одна единственная подруга. Запомнилась она мне на всю жизнь. Какая же она была красивая!

Когда мы с мамой приходили к ней в гости, то она готовила нам обед. У мамы заканчивалось терпение, и она задавала вопрос: «Клава, ты долго ещё будешь готовить?»

Зато когда мы садились за стол, то тётя Клава устраивала нам праздник. Стол покрывала белоснежной скатертью, обед из нескольких блюд подавался в красивой посуде. А вкусно было так, что можно было проглотить язык!

Пока тётя Клава готовила обед, я занималась её большой красивой куклой, которая была больше меня.

У тётки Клавы не было семьи. Жила она одна, поэтому своей любимице шила или покупала – этого я не знала – разные наряды. Кукольная одежда лежала в небольшом чемодане. Там были и вязаные вещи. Каждый раз при встрече Алёнка была

одета согласно погоде и времени года красиво. Да и сама хозяйка была одета нарядно.

Одежда Алёнки в чемодане лежала аккуратно, всё было наглажено.

У меня дома был уголок, в котором стояла кукольная мебель: шифоньер, кровать, стол, красивая посуда, две резиновые небольшие куклы. Мама давала мне продукты: морковь, конфеты, булочки и т.д. Мне захотелось иметь ещё большую куклу с закрывающимися глазами.

Мама обещала, но купить не могла из-за отсутствия денег.

Как-то мы шли домой, и я задала вопрос: «Мама, когда же ты купишь мне куклу? Ты же обещала».

И вот, наконец, мы в магазине игрушек. Быстро подбежала к прилавку, продавец протянула мне куклу, я её с силой бросила на пол. Кукла разбилась. Продавец стала возмущаться. Мама ей спокойно сказала: «Зачем вы дали куклу ребёнку, не зная характер девочки?»

Продавец потребовала оплаты 100%, но мама рассудила, что они должны оплатить по 50%.

Вскоре кукла мною была выбрана. Я сияла от счастья!

Кукла была куплена перед самой войной. Я с ней прошла все испытания блокадой, вывезла её в Новосибирск, но дома, когда мама меня вынесла на улицу, меня окружили дети. Одна девочка попросила дать ей куклу, и она нечаянно сломала ей

череп. Очень расстроилась. Мне было жаль терять любимицу, но я успокоила девочку и больше никогда не напоминала ей о кукле.

До создания семьи папа и мама учились на агронома. Полюбили друг друга и бросили учёбу, решив пожениться. Маму звали Валентиной, папу – Николаем. У старшей маминой сестры Марии мужа звали Николай. Он умер во время блокады. Второго её мужа звали тоже Николай. У средней сестры Натальи первого мужа звали Николай и второго тоже Николай.

Мама любила в доме порядок. Умела плавать, немного вязала, шила. Имела красивый голос. Знала много частушек, пела под папин аккомпанемент на гармошке. Укладывала меня спать под пение, играя на гитаре.

В Новосибирске около дома имела небольшой участок земли: сад и огород.

Во время войны проявила себя ответственным работником в охране завода им. В.П. Чкалова. Была отличным стрелком, имела правительственные награды. Когда я шла куда-нибудь с мамой, то обращала внимание на то, что с ней многие люди здоровались. Мне это нравилось...

Мама знала, что я люблю смотреть фильмы и читать, поэтому просила меня рассказывать ей подробно просмотренные фильмы. Ей нравились такие рассказы. Так она развивала мою наблюдательность, память и речь.

В результате мои сочинения и рассказы нра-

вились учителям. Речь моя была без слов-паразитов. Мною была поставлена цель – быть интересным человеком. Стала ли я таким человеком – судить вам, уважаемые читатели.

Другая жизненная история, связанная со мной как с матерью и бабушкой

Замуж вышла в 20 лет. Родила дочь Татьяну, которая родила мне 4 внучек и 1 внука: Машеньку (имя дала я), Настеньку (так назвала Татьяна), Василинку (с именем была цела история). Назвали её Ириной, по документу – Ирина, а звали по настоянию Татьяны – Василиса. Затем Татьяна сменила документы на Василису. Четвёртую дочь Лизоньку и долгожданного сына Иванушку назвала опять Татьяна.

Какая была и есть я мать и бабушка?

Судите по коротким высказываниям, описанным ниже.

Семья наша никогда никого не хвалит из членов семьи, но мне посчастливилось услышать на новоселье такие слова: «Я завидую Ване, что у него такая бабушка!» (Говорила жена внука.)

На свадьбе внука: «Ну, у них и клевая бабушка!» (Родственники жены Ванюши.)

Говорю на своём 70-летию своим внукам: «Ведите сами сегодня праздник».

– Нет, бабуля, мы не умеем. Ты умеешь это делать, вот и веди опять.

Приехала в гости наша знакомая Валентина с дочкой Светой. Я угостила обедом, живя у Татьяны.

Валюша мне и Тане: «Ну, Лариса Николаевна, как всегда, готовит вкусно, поэтому её кухню дети любят. Помню, пришла домой, а Света просит меня сделать ей рисовую запеканку, как приготовила Лариса Николаевна».

Я ей приготовила, а она мне: «Нет, у тебя не вкусная. Не буду есть».

Татьяна: «Мама, вот кому надо было иметь большую семью, так это тебе! У тебя на всё хватает время. Всегда во всём порядок и чистота».

Учительница Марии мне сказала: «Ваш украинский костюм для Марии самый лучший во всей школе».

Татьяне и внучкам были сшиты костюмы: Татьяне из белого капрона костюм «Снежинка», «Чёрный кот», «Красная шапочка», «Шахматная королева», «Снежная королева», «Золушка на балу» (с «хрустальными» туфельками), из сказки «Три толстяка» костюм Суок; украинский, как я уже упоминала, и костюм «Мальвины» из сказки «Буратино».

Костюмами пользовались и другие люди, не возвращая их мне. Все получали самые лучшие призы.

Когда готовила детей к школе, подготовила Ванюшу так, что он занимал первые места по прыжкам в высоту.

С детьми занималась лепкой, рисованием, физкультурой, счётом, аппликацией. Работы с аппликациями храню до сих пор. Уж больно хороши!

По русскому языку учила запоминать стихи, вести наблюдения на улице, строить свой рассказ, слушать рассказы и сказки, учила их пересказывать.

Для игр учила делать палаточный городок. Палатки все были разные из бумаги.

Из больших коробок сделала большую квартиру с мебелью, тюлем, шторами...

Пришли как-то ко мне подруга с мужем. Посмотрели они дом, гараж, дачи, и сказала мне Люба следующую фразу: «Всё сделано на высоком уровне. Вот это бабушка!»

В результате дети в школе учились хорошо. Затем Настёна и Василиса успешно окончили институты. Василиса, моя гордость, работает в прокуратуре следователем. Её все члены семьи очень уважают. Лизонька в настоящее время учится в институте на психолога. А как она готовит! Как оформляет каждое блюдо, восторг!

Много лет назад был у нас домашний праздник – день рождения зятя. С большим трудом заставила дочь мне подчиниться...

Во время праздничного обеда зять пел впервые в жизни. (Больше никогда не пел.) В конце дня дочь: «Мама, если бы не ты, праздника не было бы. Спасибо тебе!»

В этом, 2015, году на дне рождения Татьяна и Лизонька говорили мне хвалебные слова. А вечером

подруга, с которой дружим много лет, начала меня хвалить. Я ей говорю: «Вы что, сегодня сговорились?»

Она в ответ: «Вы это заслужили!»

В 2009 году Татьяна получила от меня подарок. Я издала книгу её стихов «Поздняя листва». В книге она посвятила несколько стихотворений мне – своей маме, бабушке, тёщице.

* * *

Мир, цветы, на земле тишина,
Но не знаешь ты, мама, покоя.
До сих пор тебе снится война –
Ты внучат закрываешь собою!

Гладких Т.А.

Загуляева Лариса Николаевна родилась в 1936 г. в Ленинграде. Ребенком пережила блокаду во время Великой Отечественной войны. Эвакуирована в Новосибирск в июне 1943 г.

Училась. Работала пионервожатой, зав. сельским клубом, воспитателем в детском саду, бухгалтером, начальником отряда в ИТК-9. Много занималась общественными делами: секретарь комсомольской организации, член бюро райкома комсомола, работала с трудными подростками.

В настоящее время является руководителем по работе с пенсионерами в доме, где проживает. Староста поэтического клуба «Привал» в Дзержинском р-не.

Автор книги «Мои воспоминания о ленинградцах», 2015 г.

Инна КЛИМЕНКО

Мария Ивановна Сафронова родилась в Кировской области 5 августа 1910 года в семье сапожника, были два брата: Саша с 1914 года и Вася, который родился 23 февраля 1918 года.

В 1921 году были голод и эпидемии. Семья ехала из Кировской области в другую губернию. По дороге умер отец. Ехали на телеге дети и их больная мать. Она умерла, и в поле на телеге сидели трое детей. Добрые люди мальчиков в детский дом определили, а Марии было 11 лет, она пошла в люди. Об этом не хотела вспоминать. В школе не училась, самоучка. Устроилась на канифольный завод, приняли в комсомол. Хотела учиться, поехала в 1931 или 1932 году в Ленинград. С трудом попала в военное училище официанткой, жила в общежитии. В 1933 году училище расформировали. Ей

негде было жить. Курсант Клименко Пётр предложил ехать с ним в Киев. Мария поехала с ним. Пётр был очень добрым, справедливым, заботливым и заменил ей и мать, и отца. Была замечательная семья. 1 июля 1934 года родилась дочь Инна.

Наша семья жила в Киеве, в доме специалистов на Брест-Литовском шоссе, а рядом с домом располагался знаменитый Киевский зоопарк. Я ходила в детский сад.

Когда началась война в Испании, в Киев привезли испанских детей. У них были шапочки-испанки. Мне мама сшила тоже «испанку». Мы общались, и я выучила стихотворение об испанской девочке:

*Лолита, десять лет тебе,
Но ты привыкла ко всему:
Бомбежкам, взрывам, тишине,
К пустому дому своему.
Идет колонна мимо Вас,
И ты знакомому бойцу
Кричишь: – Монолло, в добрый час
Я жива, скажи отцу.*

Общаясь с испанскими детьми, мы уже знали, что война – это страшно. До начала Отечественной войны в 1939 году папа принимал участие где-то в военных действиях на востоке и, когда приехал домой, пел песню «Три танкиста».

С мамой, Марией Ивановной, 1940 г.

22 июня 1941 года в Киеве был спортивный праздник, и все люди шли на стадион. Мама приготовила вечером себе белый костюм, а мне белое украинское вышитое платье. Но я проснулась от грохота, дом дрожал, в зоопарке стоял рев зверей,

а мама стояла у окна и плакала. Объявлялась воздушная тревога. Папа уже убежал на завод. В сторону авиационного завода летели немецкие самолеты с крестами очень низко и плотно, почти касаясь крыльями друг друга, так что не было видно неба, стоял гул от самолетов и взрывов бомб, а бомбили сборочные цехи. Папа целую неделю не приходил домой. Они тушили пожар, вытаскивали из-под завалов людей. Мы не знали, жив он или погиб.

В детском саду детей не раздевали, когда укладывали спать. Воздушная тревога была очень часто, и нас вели в бомбоубежище. Мы сидели в темноте и слышали, как дрожит земля от взрывов. Воспитательница нас успокаивала, мы пели песни и учили стихи.

*Ты не бойся темноты,
В темноте не виден ты,
Утром рано на рассвете
Пронесется самолет,
Наш отец его заметит,
С высоты его собьет!*

С тех пор я не боюсь темноты. Мы надеялись, что наши папы нас защитят и фашистов прогонят с нашей Родины. Завод готовили к эвакуации в тыл. Папа пришел домой и маме сказал, что рабочие без семей с оборудованием едут на Урал, се-

мы остаются в Киеве, мы попрощались. Но разрешили к эшелону с оборудованием прицепить платформу для семьи. Папа прибежал домой, схватил меня на руки и позвал маму, и мы побежали на завод. Платформу оборудовали фанерой. Фашисты постоянно бомбили железнодорожные пути. Мы с большим трудом выехали из Киева. Вдоль железнодорожных путей по дороге шли люди: старики и дети, колхозники гнали стада коров, на телегах везли вещи, мешки. Немецкие летчики налетели на эти колонны беженцев и на бреющем полете из пулеметов расстреляли беззащитных людей. Вдоль дорог лежали убитые, раненые люди и кони. Когда был налет, паровоз гудел, и все из вагонов выбегали и бежали дальше от состава. Стоял гул, взрывы бомб, мама меня закрывала своим телом и шептала, что скоро немцы улетят, и мы поедем дальше. Рядом разорвалась бомба, и осколки попали в лошадь, она упала, и ее голова оказалась рядом. Лошадь ржала, и из глаз катились слезы. Эта ужасная картина до сих пор мне часто снится. Наш состав все же дошел до Новосибирска, а очень многие эшелоны были уничтожены фашистами.

Нас на станции рассадили по машинам и повезли размещать по квартирам. Местным жителям было предписано освободить комнату для эвакуированных. Нас привезли на улицу Парижская Коммуна, дом №236. Хозяйка была Кутуева Бадига

Николаевна, их семья жила в плохоньком домике, крыша текла, крыльцо было ветхим. Мы зашли в пустую комнату. Папа побежал на станцию, нашел мешок, набил сеном, и мы с мамой на нем спали. Папа был на заводе, работал сутками. В августе 1941 года он был призван в ряды Красной Армии. Перед уходом на фронт папа починил крышу дома, сделал крыльцо. Со станции принес фанеру, сколотил нам деревянную кровать и стол. Сказал хозяйке: «Не обижайте мою семью, живите дружно».

Мы жили у татар, они относились к нам очень хорошо, я дружила с их детьми. Была единая семья. Все люди понимали, какая идет страшная война, и помогали друг другу. Было голодно. Девочки-татарочки давали мне жмых, мороженую картошку, мы ели ее сырую, потому что она сладкая. Это было для нас лакомство. Электроэнергии не было, вечером у хозяйки горела керосиновая лампа, а я не боялась темноты и находилась в своей комнате, мама на заводе работала сутками, и я росла сама по себе. Я отоваривала хлебные карточки, хлеб привозили не каждый день. Был такой случай... За 3 дня привезли хлеб, и мне дали целую булку. Мама пришла с работы, стала резать хлеб, а там только тонкая корочка, а в середине запечен комок желтой бумаги. Как я плакала и эту корочку не ела, а сосала, чтобы подольше сохранить во рту вкус кислого черного, но такого вкусного хлеба.

В 1942 году мой папа пропал без вести, пришла похоронка. Мне дали путевку в детский сад. Советское правительство заботилось о детях. Построили двухэтажное здание прямо в лесу. Это на остановке на ул. Учительская, где сейчас построена церковь и во дворе располагается двухэтажное здание – это мой детский сад. Я ходила одна в детский сад – это расстояние от Кропоткинской бани до остановки Учительская. Зимой отмораживала руки. На моем пути был лагерь военнопленных, и, когда их вели на работу с собаками, я стояла у забора и пережидала. Находилась я в детском саду неделю, а потом и на выходные оставалась со сторожем, т.к. идти далеко и дома мамы нет, она на работе.

В школу нас провожали торжественно. Всем подарили деревянные ранцы с карандашами и пеналы. Я училась в школе №28, учительница Вера Филипповна нас любила, жалела, много уделяла нам внимания. Нам давали горячие завтраки, но всегда хотелось есть.

9 мая 1945 года я спала, ставни были закрыты, и вдруг в ставни стучат, кричат. Я испугалась, думала, бомбят. Мне всегда снились бомбежки, которые я видела в Киеве и во время эвакуации. Я побежала на улицу, а там всеобщее ликование, люди целуются, плачут, откуда-то появились флаги, мы от радости кричали до хрипоты. Конец войне, Победа!!!

С мамой, Марией Ивановной, 1977 г.

9 мая 1945 года был самый чудесный день в моей жизни: день был теплым, солнечным, природа тоже радовала нас. Маме дали комнату в бараке на 10-м объекте. В бараке жили эвакуированные из Ленинграда артисты, они работали в театре «Красный Факел». 12 мая 1945 года – открытие театра оперы и балета. Набирали детей в балет-

ную студию. Сосед, артист, маме предложил записать меня в студию. Маме было некогда, она работала воспитателем сутками со своими воспитанницами в колонне рабочей молодежи КРМ. Ее девочки все считали Марию Ивановну, так звали мою маму, своей мамой. Она их учила рукоделию, учила жизни, выдавала их замуж и помогала во всех сложных ситуациях. Мама отдавала им свою любовь, заботу и душевное тепло, потому что эти девочки во время войны были мобилизованы из всех сельских районов Новосибирской области. Они работали на заводе имени В.П. Чкалова по 12–18 часов в сутки, ковали победу в тылу, заменив мужчин, ушедших на фронт. Все для фронта, все для победы! Маму наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и медалью «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» в мае 1985 года.

Клименко Инна Петровна родилась в 1934 г. в Киеве.

В 1941 г. эвакуирована с семьей в Новосибирск. Окончила авиационный техникум. Основную часть жизни отработала на заводе им. В. Чкалова. Трудовой стаж – 43 года. Общественными делами занималась всегда: в профкоме, в партийной организации, в женсовете и т.д.

С 1982 г. – участница ветеранского клуба «Огонёк» Дзержинского р-на. Поэт. Танцует. Много времени уделяет просветительской деятельности: выступает в музеях, школах. Автор книги об Оперном театре «Ровесник Победы», 2015 г.

Анна КОРОТКОВА

НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ МАТЕРЕЙ

Нынче праздник у людей,
Я же в комнате сижу одна,
Тепло и светло в квартире моей,
Но на душе тоска.

Была когда-то большая, шумная семья:
Муж, дети, мама, друзья.
Теперь у каждого квартира своя,
Свои заботы, работа, дела.

Сегодня праздник у людей,
Я же в комнате сижу одна,
Обед готов, и стол накрыт,
Только вокруг тишина.

Тишина сковала мой дом,
Не помогает смех с экрана,
Дети разлетелись из гнезда, семьи свои,
И им уже не нужна мама.

Только мамы вас очень ждут,
Пусть звонок или строчка в открытке,
Вы вспомните страдания мам,
Когда сами станете по возрасту такими.

Так не оставляйте матерей одних,
Уделите им немножечко внимания,
Позвоните, загляните к ним,
Ведь они страдают в ожидании.

ТЫ ЕЩЕ ВСЕ МОЖЕШЬ

Как-то незаметно зрелость подкатила
И виски с тобою нам посеребрила,
И куда-то делись прыть и стать,
Стали мы порою даты забывать.

А когда-то были мы резвы, стройны,
Все ушло с годами, стали старики.
Дни уже короче, ночи все длинней,
Прожитое время нас сделало мудрей.

Наступает время – время перемен,
Ты не падай духом, не жалей
В этом зрелом возрасте прелести свои:
Мудростью и опытом дни наполнены.

Годы, что прожили, набирают счет,
А в душе порою молодость живет.
И надеемся мы на судьбу,
Что подарит нам еще не одну весну.

Ты еще ведь можешь многое успеть,
Надо только очень, очень захотеть.

ЗА ВАС, ЛЮБИМЫХ И РОДНЫХ!

Я поднимаю тост за мам,
Они рожали нас, растили,
Ночей не спали, нас лечили,
Когда болели мы, хандрили.

Они учили нас, кормили,
Стирали, шили, мыли,
Порою торты нам пекли,
А чаще – булки, пироги.

Но не о том сейчас рассказ.
Я поднимаю тост за Вас.
Они детей растить нам помогали,
Порой ночей с ними не спали.

Теперь состарились, устали,
Но нас любить не перестали.
Здоровье пошатнулось ваше,
Родные, милые вы наши.

Пока мы живы, и она жива,
Мы можем многое свершить:
Прощения у мамы попросить
И просто с ней поговорить.

«Пока мы живы можно многое успеть»,
Почаще проявлять о них заботу.
Время пришло, они закончили работу.
И нужно их теплом своим согреть.

2013 г.

ДОМ РОДНОЙ

Ах, какое изобилие красок,
По земле шагает листопад,
Солнце светит, но уже не греет,
Под ногами листья шелестят.

То вдруг дождь зарядит – мелкий, частый,
Воздух чистый с запахом листвы,
Где-то журавлей курлычет стая,
Низко опускаясь до земли.

Стаи птиц на юг вот потянулись,
Улетают в теплые края,
Улетайте, а весной вернётесь,
Дом родной вас встретит с радостью всегда.

Вот и дети – выросли, вспорхнули,
Улетели жить в другие города,
Только в доме, где прошло всё детство,
Ждут родители детей своих всегда.

Знаю, что работа, есть свои уж дети,
И родители вам больше не нужны,
Только ваши старики уж постарели
Ждут от вас участия, заботы и любви.

2014 г.

МАМЕ

Как-то незаметно мама постарела,
К девяности уж бегут года,
Кажется, совсем недавно
Ты ещё была так молода.

Полная энергии и воли,
А теперь усталый, милый взгляд,
И глаза твои уж плохо видят,
Без натуги руки уж дрожат.

Помню, как крестом ты вышивала,
Заставляла вышивать меня,
Говорила: «Ты трудись, родная,
Будешь мастерицей у меня».

Ты стирала, гладила, вязала,
Шила платья, пироги пекла,
А сегодня ты сидишь, устала,
Вспоминая прошлых лет дела.

Сыновей моих растить мне помогала,
Часто ночи вместе с ними не спала,
Поседела, мама, постарела,
Сеть морщинок на щеках легла.

Я здоровья тебе желаю, мама,
Поживи ещё, порадуй нас,
Голову перед тобой склоняю
В этот час, любимая моя.

С мамой, Сараевой Антониной Анатольевной.
Мне 12 лет, маме 34 года

МАМЕ – 90

Мне выпало такое счастье,
Не часто видит такое свет,
Встречать вместе с мамой
Её девяносто лет!

Тяжёлые годы ты прожила:
Арест отца, голод, война,
Но не озлобилась твоя душа,
Столько в ней света, любви и тепла.

В госпитале папу повстречала,
В год Победы появилась я.
Вскоре в Бердск приехала семья,
Неизвестность здесь ждала тебя.

Я знаю мамины лучистые глаза,
Трудолюбивые руки твои,
Не знают они покоя
Ни в будни, ни в праздничные дни.

Кулинаркой в округе знатной сльвешь:
Курник, рыбный пирог, ватрушки печешь,
Твой знаменитый торт неповторим,
И нами всеми он любим.

Живи подольше, милая мама,
Будь здорова, счастливой будь,
Надеюсь, лет до ста ты доживешь,
И в новый век свой с нами ты войдешь.

2013 г.

ПРОЧЬ, ОДИНОЧЕСТВО

Нет, не должно быть людей одиноких,
Как же так? Ведь работал и жил,
Еще в школу ходил когда-то,
но, выходит, друзей не нажил?
Одиночество душу съедает,
Сокращает наш жизненный путь,
Одиночество нас поедает,
Мы пока за активную жизнь!
Старики! Не сдавайтесь! Ищите общенья,
Рано в стенах себя муровать,
Сколько клубов есть по интересам,
Не сидите в квартире, идите гулять.
Там вы встретите близких по духу,
Разговорам не будет конца,
познакомитесь, поговорите,
Глядишь, этим продлите свои вы года.
Вы работали много, я знаю,
На заводах, колхозах, везде,
Вы страну из руин поднимали,
Заслужили вы отдых вполне.
Только сердце не хочет покоя,
Еще хочется внукам помочь,
Летом – сад, огород, в лес походы,
Зимой – санатории, встречи, кино.
Подлечиться, конечно же, надо,
Походить на гимнастику в зал,

Съездить в гости к родным иль знакомым,
Стол накрыть иль устроить аврал.
И тогда, одиночество, прочь!
Мы не пустим тебя на порог.
Не сдавайтесь! Ищите общенья!
Этим самым продлите вы жизни итог!

2010 г.

Короткова Анна Петровна родилась в 1945 г. в Уфе. С 1949 г. проживает в Бердске. Окончила новосибирский мединститут. Трудовой стаж 45 лет. «Самый прекрасный на свете наряд – белая шапочка, белый халат» – считает Анна Петровна.

Она человек с активной жизненной позицией, неравнодушный, страстный. Свет, милосердие, доброта – основные приоритеты в жизни и творчестве Анны Коротковой.

Член Бердского поэтического клуба «Искатель» и интеллектуального семейного клуба «Зажги свечу». Стихи пишет с 15 лет. Участница народных альманахов творческих работ: «В моей судьбе история России», 2013, 2015 гг. Автор 6-ти поэтических сборников.

Василий КУЗНЕЦОВ

МНЕ ПРИСНИЛАСЬ СТРАНА

Мне приснилась страна, где прозрачны туманы,
Высока и светла там небес синева.
Там в полях лебеда и высокие травы-дурманы,
Беспредельная даль, от которой кружит голова.

В той стране, в незатейливой хате,
Я родился и рос босоногим лихим сорванцом.
И журила, смеясь, меня мать на закате,
И счастливым бежал я на встречу с отцом.

И щемящая боль мое сердце объяла –
Ту страну я с тоской захотел увидеть,
И я бросился вон от последнего в жизни причала,
Но дорогу туда я не смог отыскать.

НА СВЕТЕ ВСЕ ОТ ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ

На свете все от женской красоты:
Цветы, гармония, и арф волшебных звуки,
Любовь, поэзия, и пылкие мечты,
И подвиги, и нежные разлуки.

Дарите женщинам цветы
И в праздники, и в будни, в дни рожденья.
В них отраженье женской красоты
И силуэтов тонких отраженье.

Дарите пышно, щедро, широко,
Как дарят светлые мгновенья.
Ведь женщину обидеть так легко,
Но нелегко вернуть расположениеь.

Дарите разные любимые цветы:
Тюльпаны, розы, георгин обыкновенный.
В них вы найдете милые черты
И образ дивный, несравненный.

Быть может, чересчур я расхвалил цветы
И не сказал о них как надо.
В них нет, конечно, женской теплоты
И лучезарности их взгляда.

И лишены они безмерной доброты,
И нежной женственности тоже.
Но все равно дарите женщинам цветы –
Цветы на них чуть-чуть похожи.

ПОДАРИЮ, Я ТЕБЕ ПОДАРИЮ

Ты прости, что не смог я тебе подарить
Изумрудную брошь, и кольцо золотое,
И восточного жемчуга дивную нить,
И жар-птицы перо неземное.

Но зато я тебе подарю
Голубую мечту в оправдание,
И высокую в небе звезду,
Чтоб сбылись твои ожидания.

И закат я тебе подарю,
Серебристую дымку тумана,
И осеннюю песню мою,
Теребящую сердце, как рана.

Новосибирск, март, 2005 г.

ПОРТРЕТ

С годами прошлое становится светлей,
Прозрачнее являются печали,
И сердце отзывается острее,
О чем невольно мы с тобою умолчали.

Я никогда тебе не говорил.
Любил я женщин гордых, непреклонных,
Божественную стать боготворил
И лик красавиц тонких, благородных.

Любил улыбки их, неудержимый смех
И благоволил к их изысканным манерам,
Любил их нежный взгляд. Но и, водился грех,
Я ревновал их к видным кавалерам.

Ты не сердись, не торопись в ответ
Презреть мое нелепое признание.
Ведь написал я твой портрет,
Моей души очарованье.

Новосибирск, февраль, 2009 г.

Анне Васильевне Терешковой

ЧУДЕСНАЯ ПОРА

Чудесная пора восторгов, упоенья,
Любви твоей кристальной чистоты,
Наивных детских грез, и озаренья,
И несказанной детской красоты.

Но детство, вдруг, с наивными речами
Ушло. И я, не в силах позабыть,
Тебя просил бессонными ночами
Его хоть на мгновенье возвратить.

Но тщетно. Это все пустое.
Ты стала и богата, и знатна,
И время для тебя все будто золотое,
И сердцу милою семьей окружена.

Божественная длань тебя заворожила
В весенние, цветущие года
И красотой неброской наделила,
И ты по-прежнему стройна и молода.

Мне нравится краса твоя земная,
Веселый смех и взгляд твой озорной.
О, как я не хочу, чтоб даже золотая
Коснулась тебя осень сединой.

Но время, как безумное ветрило,
Вертит упрямо жизни жернова,
И мы вслед уходящему тоскливо
Лишь посылаем горькие слова.

Пройдут года, молодые дни промчатся.
Что было и прошло, ты станешь вспоминать,
И будет память по ночам метаться,
Прошедшее по крохам собирать.

Увы, тогда со мной уже все будет ясно.
Но знаю, что однажды на закате дня,
Уставясь в небо, молча, безучастно
Ты тихо скажешь: «Он любил меня».

Новосибирск. 25.12.04 г.

* * *

*Евдокии Илларионовне
Кузнецовой*

Ветхая избушка...
Не припомню дня,
Что бы в ней старушка
Не ждала меня.

Сидя у окошка,
Смотрит часто вдаль,
Лишь всплакнет немножко
И встряхнет печаль.

Милая старушка,
Не тревожься зря.
Видно, не дождешься
Вовсе ты меня.

Новосибирск, 2006 г.

ЗА ПОЛЯМИ ДАЛИ

За полями дали, за лесами зори.
Я навек покинул свой родимый край.
И всю жизнь брожу я с думой поневоле:
«Где ты, дом родимый,
где ты, светлый май?»

Кузнецова Евдокия Илларионовна
с внуком Васей Кузнецовым

Я в седых туманах по степям кочую,
В стороне далекой, мирной, но чужой.
И чужие звуки в ковылях я чую,
И чужие птицы плачут надо мной.

Закружатся вихри, полыхнут зарницы,
Загорятся звезды в тишине ночной.
И мне часто снится хутор у станицы,
Тихий дом у речки, ивы над водой.

Я вернусь когда-то, сторона родная,
Как с бывлой невестой, с ивой обнимусь,
Расцелую землю, жадно обнимая.
Только жаль, быть может, вовсе не вернусь.

ПОРА, МОЙ ДРУГ, ДУША МОЯ

Пора, мой друг, душа моя,
Устал я прыгать по планете
И, забывая все на свете,
В мечтах лететь в родимые края,

Где первая любовь. Погасли звезды вдруг,
Не стало вмиг земного притяженья,
Ни мира, ни земли. Лишь томное волненье
Волшебной радугой объяло все вокруг.

И первое свиданье, поле, лебеда
В сиянье лунном серебрилась.
И мы в нем до рассвета заблудились,
Чтобы потом расстаться навсегда.

А после все – сплошная суета:
Борьба, тревоги, радости, сомненья,
Судьбы слепой несносные виденья,
И зрелая любовь, и в сердце доброта.

И вечный труд, разумный, не пустой.
Им, как автографом, я в жизни расписался.
И тем, быть может, в памяти остался
У юной поросли, восставшей за спиной.

Теперь пора, пора за столько лет
Туда, где отчий дом, могилы под сосною,
Где первая любовь сказалась неземною,
В последний раз, быть может, прикупить билет.

ДЕВОЧКАМ

Я по свету шагал, счастья в жизни искал,
Я бродил по лесам и болотам.
И прекрасную фею в пути повстречал
За далеким речным поворотом.

Там шумели сады и кружились цветы
Под чудесные песни жар-птицы.
Хороводы водили ежи, и коты,
И зайчата, медведи, лисицы.

И спросил я у феи в тот сказочный час
Светлых дней Вам и праздников тоже,
Чтобы в доме родном было детство для Вас
На счастливую сказку похоже.

Будут принцы на белых лошадках скакать
В галунах, как цветные картинки.
Трубачи станут гимны во славу играть,
Запоют восхитительно скрипки,

Чтобы в небе светила Вам счастья звезда,
Стороной проносились невзгоды.
И любимые Мама и Папа всегда
Были с вами все светлые годы.

Чтоб в родном королевстве все это сбылось.
И, не зная забот и печали,
Вы, как в сказках у нас повелось,
Принцев в жизни своих повстречали.

Заснут молодцы из конца до конца,
Всю округу на пир собирая.
Мама с Папой всплакнут у родного крыльца,
К алтарю под венец провожая.

Будут свадьбы греметь и бокалы звенеть,
Будет радость и смех – и все это будет.
Жаль, на праздниках этих за дальностью лет
Ни меня, ни бабули не будет.

А пока в полуночной бессонной тиши
Вспоминаю я Вас и тоскую.
Дорогие мои, Вы мои малыши,
Дайте вас я, родные, расцелую.

Новосибирск, июль, 2010 г.

СЧАСТЬЕ ПОРОЙ НАЛЕТИТ, КАК МГНОВЕНИЕ

Счастье порой налетит, как мгновение,
Как озарившее вас волшебство,
И отзовется волной вдохновения,
И пробудится в душе божество.

Счастье, когда вдруг сбылись ожидания,
Явью сошлись неземные мечты
Или когда, пересилив страдания,
Ты вдруг найдешь островок доброты.

Или желанное чувство заветное
Вдруг разгорится в сердце твоём.
Но счастье, увы, не бывает несметное,
Если вы счастливы даже вдвоем.

И не бывает оно беспредельным,
Если в ваш дом невзначай ворвалось.
Может случиться и вовсе химерным –
Было оно и вдруг унеслось.

И все же мы ждем своим сердцем тоскливым.
Счастье свое, как начало начал.
Был я однажды безумно счастливым,
Когда в юные годы тебя повстречал.

Новосибирск, август 2005 г.

А РОЗЫ ЦВЕТУТ И ЦВЕТУТ ЗА ОКНОМ

Осень, стужа, дождинок снуют,
Серо, сыро, и скоро морозы.
А под нашим окном небывало цветут
Разноцветные пышные розы.

Я в дождливую пору к окну подойду,
Чтоб с осенней тоской распрощаться.
И на розы смотрю, и шепчу, как в бреду,
И не в силах от них оторваться.

О зима, я тебя умоляю, постой,
Придержи в своих сенях морозы,
И дыханье твое пусть пройдет стороной,
Не губи эти дивные розы.

Застилается даль желто-серым дождем,
Листопад тербит мою душу.
А розы цветут и цветут за окном,
Несмотря на осеннюю стужу.

Новосибирск, октябрь 2008 г.

Кузнецов Василий Леонтьевич родился в 1931 г. на Кубани.

Пережил тяготы военного детства. Учился в Ленинграде. С 1953 г. живет и работает в Новосибирске. Более 50-ти лет в науке. Геолог, доктор геолого-минералогических наук, профессор. Опубликовал более 160-ти научных статей. Соавтор ряда монографий, автор 3 изобретений. Профессионально занимался вокалом. Освоил игру на музыкальных инструментах: фортепиано, баян, аккордеон, гитара, балалайка. Занимался в хоре и драмкружке. Спортивные интересы: бокс, фехтование, бильярд. Участник народных альманахов творческих работ. Автор 13-ти книг.

Фёдор КУЗЬМИН

С ДЕТСТВА У РОДНЫХ ИСТОКОВ

Мы, уезжая, приезжаем.
Нас в жизни ждут дороги.
Живём, взрослеем, вспоминаем
Все мамины тревоги.

Глубинка! Милая деревня!
И сказочный хрусталь берёз.
Сентиментальным был, наверное,
Душой раним, не рос без веры,
Духовность сам в себе берёг.

В душе сберег берега родные,
И васильковый тон духмян,
И ржи колосья наливные,
И жаворонка трель над ними.
И воздух гулок, чист и пьян.

За ручку мать водила в поле,
Шли по тропинке к родникам.
Прокосы, свежесть трав, раздолье,
И тонкой змейкою река

Текла в кудрявый лес урмана
За горизонты бытия.
Вернуться в чине капитана,
Чтоб мной гордилась моя мама, –
Вот детская мечта моя.

Мечта исполнилась земная,
Я так в деревне и живу.
В полях комбайном управляю,
Тружусь, и в них же отдыхаю
И славлю неба синеву.

А в небе том мой верный боже.
Ему поступки все видны.
Он с урожаем нам поможет
И наши силы приумножит
На благо всей моей страны.

Мама, Мария Самсоновна. 2008 г.

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ УТОНУЛА В АКАЦИЯХ

Деревенька моя утонула в акациях,
На берёзовых бруньках серебрится роса.
«Ты о ней, моя мама, сегодня рассказывай
И о том, как на фронт проводила отца».

«Проводила, сынок. На руках моих дочери:
Две малютки, две крошки – мал и меньше мала.
И до младшего брата дошла уже очередь,
Без мужчин-то в деревне жизнь тяжёлой была.

Дочек в ясли носила к старой бабушке в дом.
И работать ходила на луга и поля.
Лошадей было мало, были бабы тяглом,
И пахали, и жали – чтоб родила земля.

Отступали два года – потерь было много.
Похоронки шли с фронта, только ранен отец.
От обозов военных пылила дорога,
Слёзно вдовы молились, чтоб войне был конец.

За печным за чувалом я иконку хранила.
На портрете Георгий святой с копьём.
Тот Георгий святой придавал божьей силы,
Чтоб с победой вернулись живые домой.

И мужчины вернулись, кто ранен, контужен,
Но не все, половину убила война.
Был в деревне концерт, и был праздничный ужин.
Одержали победу – но в разрухе страна.

Была дружной весна, и сирень полыхала,
И бурлила в разливах грозно детства река,
Мне, сынок, не до сна, Васю я поджидала.
Ранен был, весь в осколках, без движенья рука.

Вот он встал на порог – вроде целые ноги,
И медали блестят на груди фронтовой,
Истощён, как бедняга, и сердце в тревоге,
Был полгода в санбате, но всё же живой.

Поднимали дома. Фермы ладили, строили.
Леворукий был плотник твой батька, сынок.
Сколько было сирот, без отцов, обездоленных,
Помогали маманькам, шли в рванье на урок.

Половина домов на деревне – то батины.
Залихватски углы зарубал наш левша.
Вот и ты, мой сынок, обзавёлся уж братьями.
Нет войны уж давно – только поет душа».

Много лет пролетит, журавлиные стаи
Нам напомнят весной о прошедшей войне.
Военком юбилейные выдаст медали,
И салюты победы отгремят по стране.

До чего без войны жизнь прекрасна, ребята.
Я на поле тружусь, не пошёл я в отца.
До сих пор я завидую младшему брату –
Он строитель, и хватка отца-молодца.

Вот земля для меня – колыбель, коль я пахарь,
Мать вторая – кормилица всех матерей.
Степь привольно мила, васильковой рубахой,
Журавлиною песней стала в жизни моей.

* * *

Я в детство вернулся – купил чугунок
И вспомнил рецепты мамыны.
Был сон будто явь, мне сказала: «Сынок,
Не все еще сдал экзамены.

У жизни экзамен один – честным быть –
Не всем удастся, однако.
И радость, и горе с людьми разделить,
И вере быть преданным, будто собака.

Быть ласковой кошки в семейном кругу,
Чтить предков до самозабвения».
И я эту веру в душе берегу
До тризны от даты рождения.

Бунтарствуй – но помни покорность раба,
Свирепствуй душой потаённой.
У каждого в жизни своя есть судьба
И свой талисман окрыленный.

МАМИН ГРОШ

Детство кончилось. Жизнью влекомый,
Ты свои выбираешь пути
В новый мир, для тебя незнакомый,
Чтоб себя в этом мире найти.

Покидая свой дом, в путь далёкий
Что с собою из дома возьмёшь?
Два глотка из криницы глубокой
Да из маминых рук малый грош.

С новым городом сердце сроднится,
Только в гулкой ночной тишине
Будет поле родимое сниться
Да фиалок букет на окне.

Будет сниться родная сторонка,
Где в акациях пчелки жужжат,
И смешная соседка-девчонка,
И осенней поры листопад.

Чтобы было надежным кормило
На пути в этом мире большом,
Знай: куда б тебя ни заносило,
Надо помнить родительский дом.

И с тобою беды не случится,
Если в сердце своем пронесёшь
Два глотка из глубокой криницы
Да из маминых рук малый грош.

МОЯ БАБУШКА – КЛОУНЕССА

Моя бабушка – клоунесса,
Кто я сам, не пойму порой:
Озорник, и шутник, и повеса,
Да паяц с шаловливой игрой.

Её шуточки, прибаутки,
Её голос забавный, живой.
Сноп вязала, в свободной минутке
Забавляла людей игрой.

А во время вечерней дойки,
Зарабатывая трудовень,
Всё звучал её голос бойкий,
Распеваться ей было не лень.

И весёлая, удалая,
Как и тыщи других Матрон...
Песня жизни лилась живая
Про России малиновый звон.

Над рекою, и лугом, и лесом
Лился песни живой родник
Моей бабушки-клоунессы.
Память сердца его хранит.

В этих песнях людская сила,
Пятилетки былых времён.
Возрождайся, моя Россия,
И звени, колокольный звон!

ПОЗДРАВЛЕНИЕ К 8 МАРТА

О женском празднике писать так беззаботно?
И не напишешь, как ты ни крути,
И ноги сами приведут тебя к работе.
Восьмое марта – милая, прости.

Мужчине одному скитаться в доме,
И праздничный обед весь поедать.
Цветочки в вазе – антураж знакомый.
Но милой сердце для больных раздать

Приходится обязанностью скромной.
Опять на службе и в работе медсестра.
Предельно день её заботами загружен,
А праздник – либо завтра иль вчера,
И остывает праздничный весь ужин.

Родная женщина, сестра, жена и мать,
Мужчины все придут тебя поздравить,
Придут тебя, твой статус прославлять
И материнство мужественно славить.

В твоей душе звенят колокола,
И в детские мечты зовут тропинки.
Любимая, ты вся в делах,
Так хочется сдувать с тебя пылинки!

* * *

На любви всё достойное держится,
Всё на свете: жильё и быльё.
До девичника девица нежится,
А потом «запрягайте» её.

Расплетёт красу-косу до пояса,
Рукава засучит и вперёд.
Мама, милая мамочка, боязно,
Что об этом вдруг скажет народ?

На перинах пуховых вся нежная,
С творожком пирожок пригубит.
А теперь вот – фата белоснежная,
Мама, мамочка, – время летит.

И теперь ты сама стала мамою,
На круги жизнь идёт вся твоя.
И ласкаешь дочурку упрямую,
Выбираешь ребят в зятевья.

Кузьмин Фёдор Васильевич родился в 1955 г. в с. Костин Лог Алтайского края. С 1968 г. проживает в с. Берёзовка Новосибирского района. Отслужил два года в армии в Хабаровске. После службы вернулся в совхоз. На одном тракторе «Беларусь» отработал 25 лет. Общий трудовой стаж 43 года.

Немало времени отдаёт воспитанию подрастающего поколения: проводит открытые уроки, творческие встречи, беседы. Участвует во всех сельских мероприятиях: театральных постановках, конкурсах, выставках по флористике, которые проходят в клубе, библиотеке, школе, детском саду.

Первое стихотворение написал в 15 лет. В 2015 г. награжден специальным дипломом Лауреата в номинации «Народное признание» на региональном поэтическом фестивале «Тареевские чтения». Автор книги «И зарницы светлы за рекой...», 2015 г.

Содержание

Пред тобой я склоняю колени

Владимир Гранкин (<i>избранное</i>)	4
Александр Верин	10
Михаил Гусаров	28
Юрий Магалиф	35
Евгений Мартышев	44

Мы будем вечно воспевать ту женщину, чье имя Мать!

Татьяна Бархатова	60
Елена Белослудцева	70
Игорь Васильев	84
Лилия Гагай	94
Антонина Головина	105
Валентина Дёмина	121
Зоя Дубовцева	132
Людмила Елисеева	141
Лариса Загуляева	154
Инна Клименко	165
Анна Короткова	174
Василий Кузнецов	183
Фёдор Кузьмин	195

Литературно-художественное издание

Книга четырнадцатая.
Серия «Достойные имена»

Свет материнской любви

***Сборник стихов и прозы
новосибирских авторов***

Книга издается в авторской редакции.

Компьютерная верстка, дизайн обложки *С.И. Мельникова*
Технический редактор *Т.В. Викторова*
Корректор *В.В. Туркевич*
Автор идеи, макет, координатор проекта *Т.В. Пендюрина*
На обложке *фрагмент картины
Ричардса Кирка «Мать и дитя»*

Редакционно-издательский центр «Светоч» правления
Новосибирской областной общественной организации
«Общество книголюбов»

Почтовый адрес: 630091, г. Новосибирск, ул. Писарева, 20.
Тел.: (383)227-39-22. E-mail: pentv@mail.ru

Подписано в печать 16.11.2015 г. Формат 70х100/32.
Печать офсетная. Гарнитура CentSchbook. Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Манускрипт»
тел. (383) 306-41-81, www.manu-nsk.ru